ДТ
30
П85

Ч. Прыжов
Нищие на святой Руси
г. Москва
1862 г.

Б64
14

RL855

НИЩІЕ

НА СВЯТОЙ РУСИ.

АТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО И НАРОДНАГО БЫТА ВЪ РОССІИ.

Соч. И. Прыжова.

МОСКВА.

—

1862.

НИЩІЕ
НА СВЯТОЙ РУСИ.

DT
30
П85

НИЩІЕ
НА СВЯТОЙ РУСИ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО И НАРОДНАГО БЫТА ВЪ РОССІИ.

Соч. И. Прыжова.

МОСКВА.
Въ типографіи М. И. Смирновой,
на Никольской ул., домъ № 10.
1862.

Одобрено цензурою. Москва, 23 Апрѣля 1862 года.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
3628-35
БИБЛИОТЕКА Госуд. Историч. Музея
№ 3628
30 " 1931 г.

НИЩІЕ НА СВЯТОЙ РУСИ.

«Древняя Русь неразрывно соединена съ нашимъ настоящимъ и будущимъ, соединена тою живою связью, какою соединенъ корень съ вѣтвями дерева.

Иные скажутъ: «древняя Русь отжила свой вѣкъ, прошла». — Нѣтъ, если бы это было такъ, то это значило бы, что Россія отжила свой вѣкъ.

«Но отбросила свой прежній путь, путь древней Руси. Итакъ, древняя Русь прошла», повторятъ намъ.

Нѣтъ, не прошла древняя Русь и путь прежній не брошенъ.»

Иванъ Аксаковъ. Молва. 1857. 7.

I.

Нищими на святой Руси называется сословіе людей, ничего не дѣлающихъ и промышляющихъ сборомъ подаяній Христа ради. Бѣдность всегда жила рядомъ съ богатствомъ; бѣдность покуда составляетъ необходимую принадлежность всякаго человѣческаго общества; но нищихъ, существованіе которыхъ обусловливается извѣстною ступенью вѣрованій, въ древнемъ мірѣ не было: нищіе — средневѣковое явленіе.

Въ лучшія времена греческой жизни, среди изящнаго античнаго міра, нищій, т. е. существо, одѣтое въ рубище и почитаемое за что-то, былъ немыслимъ; его существованіе было противно самой организаціи тогдашняго общества. «Въ лучшія времена Аѳинъ, свидѣтельствуетъ Бекъ (Boeck), имущество такъ было раздѣлено, что большая часть гражданъ имѣла только необходимое; ни одного не было столь бѣднаго, чтобъ онъ позорилъ городъ сборомъ подаяній» (Staatshaushaltung der Athener. II. 19). Но въ эпоху паденія древняго міра и въ Греціи даже стали являться нищіе, жившіе подаяніями во имя божества. По городамъ, селамъ и деревнямъ Греціи, говоритъ въ извѣстномъ сочиненіи, Чирнеръ (Ttschirner), блуждали люди, которые ничѣмъ не занимались (keinen Stützpunct in der bürgerlichen Gesellschaft hatten), жили одной милостыней. Они носили съ собой изображенія сирійской богини, давали представленія, и собирали за нихъ оболы и драхмы, фиги и сыръ, и другія подаянія (1, 113).

Съ переходомъ христіанства въ Европу,

явилось и ученіе о нищихъ; явились тунеядцы — нищіе, и стали они требовать себѣ, во имя Христа, подаяній. Едва успѣла возникнуть Византія, какъ уже всѣ ея улицы были наполнены нищими. И когда съ одной стороны Ѳеодосій и Юстиніанъ бичевали ихъ декретами, въ то время, съ другой, они дѣлались res divina, и номоканоны опредѣляли, что «богатымъ сребро даруетъ Богъ нищихъ ради». Скоро Византіи потребовалось такое количество милостыни, что она стала ѣздить за ней на Русь, породнившуюся съ нею духовнымъ родствомъ. Уже съ этихъ поръ понятіе о милостынѣ окружается религіознымъ ореоломъ, становится дѣломъ братства о Христѣ Іисусѣ. Хожденія Греческихъ клериковъ для сбора милостыни и жертвоприношеній особенно усиливаются со временъ взятія Константинополя Турками. При учрежденіи патріаршества въ Россіи Константинопольскій патріархъ между условіями поставилъ и то, что русскій патріархъ въ извѣстные сроки будетъ высылать ему 500 червонцевъ (Архивъ Калачова т. 2 ч. I. стр. 26). «Греческимъ властемъ», пишетъ Котошихинъ,

«патріархомъ, митрополитомъ, епископомъ, архимандритомъ и игуменомъ и келаремъ и простымъ черицомъ, которые пріѣзжаютъ для милостыни, дается на церковное строеніе» (гл. VI, стр. 60). И на западѣ также нищенство однихъ скоро обратилось въ средство для спасенія другихъ, и папа Левъ XII приказывалъ имѣть нѣкоторое число нищихъ для того, *чтобъ люди не позабыли заповѣди о милостыни.* Нашлись такіе благочестивые, которые цѣлью своей жизни сдѣлали нищенство, побирошество; изъ нихъ образовалось общество нищенствующихъ монаховъ (mendicanti); положеніе ихъ было утверждено церковными постановленіями. Нищенствующіе монахи не должны были имѣть никакой собственности, жили добровольными подаяніями, за сборомъ которыхъ они ходили по городамъ, селамъ и деревнямъ. Въ XIII вѣкѣ они организовались въ нищенскіе монашескіе ордена (Bettelorden), и благодатный югъ Европы на долго сдѣлался страною нищихъ. До Гарибальди у Римскаго папы, въ числѣ 60,000 духовныхъ лицъ, считалось 25,000 нищенствующей братіи, ко-

торая ежегодно сбирала съ Римскаго народа до 1,825,000 скудій. Но въ томъ мірѣ, гдѣ развивалось просвѣщеніе, такое положеніе дѣлъ давно ужъ сдѣлалось преступнымъ, и однимъ изъ криковъ возникавшаго протестантизма было: plus de moines mendiants (L. Bl. 1, 22)!

Нищенство на Руси было одною изъ силъ, разъѣдавшихъ народный организмъ, было однимъ изъ дикихъ явленій, получившихъ жизнь еще при началѣ нашего государства *).

---

*) По странному невниманію нашей, такъ называемой, исторической литературы къ народному и общественному быту Россіи, до сихъ поръ не нашлось еще ни одного изслѣдователя, который бы удостоилъ своимъ вниманіемъ нищихъ. Многіе, кажется, не подозрѣвали и самаго существованія нищихъ въ русской исторіи. Въ ключѣ къ исторіи государства Россійскаго вы найдете чуть не весь русскій словарь, исключая слово «нищій»: его у Карамзина будто бы не оказалось. (См. Ключъ къ И. Г. Р. Строева. М. 1836 и исправл. къ изд. Эйнерлинга. Спб. 1844). Журнальная литература послѣдняго времени первая подаетъ голосъ о нищихъ и бьется надъ разрѣшеніемъ труднаго вопроса о нихъ, котораго иначе разрѣшить не льзя, какъ на исторической почвѣ. Укажемъ на болѣе замѣчательныя статьи по этому предмету.

II.

Русскіе нищіе раздѣляются на нѣсколько классовъ, имѣютъ нѣсколько подраздѣленій. Чтобъ разсмотрѣть ихъ и понять, мы для этого обратимся къ древнѣйшему понятію на-

---

О нищенствѣ, Н. И. Костомарова. *Арх. Калачова,* кн. 4, III, 34—38 и его сочиненіе «о нравахъ и обычаяхъ великорусскаго народа» Спб. 1861 стр. 208—210.

О нищенствѣ и разныхъ видахъ благотворительности, Н. И. Бочечкарова. *Арх. Калачова* 1859, кн. 3, V.

Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водвореніе, П. А. Муллова. *Тамъ же.*

Мысли объ общественной благотворительности, А. Забѣлина. Журн. *Землевладѣльцевъ* Авг. 1858, № 8.

Нѣсколько словъ объ уменьшеніи нищенства. *Разсвѣтъ* 1860, № 17.

О нищенствѣ. *Русскій Дневникъ* 1859, № 123.

Образчикъ современнаго благотворенія. *С. Петербургскія Вѣдомости* 1859, № 178.

Нищенство и благотворительность въ провинціи. *Московскія Вѣдомости* 1860, № 2, 4 и 24.

Нищенство и благотворительность. М. Курбановскаго. *Современникъ* 1860, IX, V, 249.

О истребленіи въ Москвѣ нищихъ. Чт. О. И, и Др. 1861. II.

рода о нищихъ, посмотримъ на древній образъ нищаго, именно на нищаго пѣвца, и отсюда будемъ спускаться все ниже и ниже, къ каликимъ перехожимъ, къ обыкновеннымъ нищимъ и такъ далѣе. Калики были нищими высшаго разряда, и на нихъ-то мы по преимуществу остановимся. Остановимся на каликахъ, чтобъ посмотрѣть, сколько въ нихъ истинно народнаго, потому что, выросши на народной почвѣ, они необходимо должны были унести въ свой міръ нѣкоторыя народныя черты.

Природа, творя человѣка, творила цѣльное существо, способное развиваться всѣми своими сторонами. И вотъ, на основаніи такого закона, мы, при входѣ въ исторію, встрѣчаемъ человѣческую личность, именно въ такомъ полномъ и цѣльномъ образѣ, и притомъ со стороны са-

---

Общія отмѣтки по Срѣтенской Части касательно бѣдныхъ. Чт. О. И. и Др. 1861. I.

Проэктъ положенія о нищихъ, написанный по порученію Министра Внутреннихъ дѣлъ въ 1829 году. Чт. И. О. И. и Др. 1860. 3.

Объ уменьшеніи нищихъ въ Россіи, соч. В. М. ibid.

Нищіе. *Оберточный Листокъ.* 1860, № 45.

мой свѣтлой, въ образѣ поэтическомъ. Общество тогда еще не было раздѣлено на классы, гдѣ напримѣръ, одному назначено заниматься литературой, а другому пахать землю на литераторовъ,—тогда всякій человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, любилъ поэзію и былъ поэтомъ, только въ силу своего человѣческаго достоинства. Поэтическія пѣсни сопровождали человѣка на каждомъ шагу его жизни и особенно во время отдыха отъ трудовъ, и во время религіозныхъ и народныхъ торжествъ. Такъ мы знаемъ, на древнихъ пирахъ Индусовъ пѣвались великолѣпные стихи Рамаяны и Магабгараты. И наши предки, выйдя изъ своей Арійской прародины, вынесли съ собою запасъ поэтическихъ воспоминаній и поэтовъ, которые съ тѣхъ поръ сдѣлались существенною принадлежностью каждаго изъ Европейскихъ народовъ, къ какому бы племени онъ не принадлежалъ, къ кельтскому ли, раньше другихъ пришедшему въ Европу, или къ позднѣйшимъ германскимъ и славянскимъ племенамъ. Исторія застаетъ эти племена еще въ ту эпоху, когда весь міръ, окружавшій человѣка, являлся въ

обожествленномъ видѣ, и въ центрѣ этого міра стояли пѣвцы, какъ глашатаи божественныхъ словесъ, посредники между божествомъ и человѣкомъ. Отсюда и *вѣщіе* пѣвцы, которыхъ *вѣщіе персты* бѣгаютъ по *живымъ струнамъ*, и живыя струны рокочутъ *вѣщую правду*. Народный пѣвецъ такимъ образомъ осѣнялся, въ понятіи народа, высшею благодатью и окружался свѣтлымъ миѳическимъ ореоломъ: «пѣвца добраго милуютъ боги» — говоритъ краледворская рукопись. Такимъ миѳическимъ характеромъ отличались древніе барды Кельтовъ. Мы встрѣчаемъ въ нихъ главныя, типическія черты позднѣйшихъ германскихъ и славянскихъ пѣвцовъ, черты сохранившіяся, напримѣръ, въ Украйнѣ до нашего времени. Вмѣстѣ съ слабыми остатками Кельтскаго племени, уцѣлѣвшаго на двухъ клочкахъ Англіи и Франціи, дожили до нашего времени и древніе барды. Такъ на праздникѣ, данномъ въ 1839 году французскими Кельтами своимъ валлійскимъ братьямъ, присутствовалъ *слѣпой бардъ*, импровизировавшій стихи въ честь великаго Кельтскаго племени (Рус. Вѣст. 1857 т. XI. Совр. Лѣт. 89 Contes

Bret. Villem. 1. 2 ed, prèface). Эти барды, какъ и славяно-германскіе пѣвцы, были хранителями основныхъ народныхъ вѣрованій, и путемъ литературныхъ памятниковъ дошли до насъ пѣсни и изреченія бардовъ о разныхъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ. (Pictet. Les myst. des bards. 1856 Les poèmes des Bardes Villemarquè 1860). Барды были любимыми дѣтьми своего народа. Такъ бретонцы, обращаясь къ слѣпцамъ нищимъ, расточаютъ имъ самыя нѣжнѣйшія названія: это для нихъ *друзья* и *божьи братья*, это pauvres chèris народа (Ch. popul. de la Bret.). Въ скандинавскихъ и древне-германскихъ пѣвцахъ мы встрѣчаемъ уже миѳическую личность пѣвца въ полномъ и законченномъ развитіи, находимъ ее въ связи съ самыми основными космогоническими вѣрованіями Германцевъ. Въ Скандинавскихъ сагахъ упоминаются два такихъ пѣвца: *Браги* и *Квасиръ*, два вѣщіе мужа, *ходившіе* по свѣту для проповѣданія мудрости. Браги происходилъ отъ божественныхъ Асовъ, и также считался сыномъ Одина, какъ *Сага*, богиня поэзіи, считалась его дочерью. Полнѣе гораздо

образъ *Квасира*, созданнаго изъ слюней Асовъ и Ваповъ, (т. е. германцевъ и славянъ,) и убитаго злыми карлами, которые сдѣлали изъ его крови божественный напитокъ, способный вдохновлять поэтовъ. Миѳическія черты этихъ вѣщихъ людей перешли потомъ на безчисленныхъ скандинавскихъ скальдовъ, являвшихся на пирахъ, въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Какъ поэзія, по народнымъ вѣрованіямъ, шла отъ боговъ, такъ и самые пѣвцы получали божественное происхожденіе. Такому свѣтлому понятію о пѣвцахъ не мѣшала и самая слѣпота нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слѣпота ничего не имѣла въ себѣ страшнаго и мрачнаго, какъ и самый ихъ богъ Одинъ, имѣвшій одинъ только глазъ. По этому народные пѣвцы считались не только глашатаями вѣщихъ словесъ, провозвѣстниками счастія, но и служителями боговъ, и если, съ одной стороны ихъ окружали любовь и сочувствіе народа, съ другой сопутствовали имъ почтеніе и уваженіе (Grimm. Myth. 861). Скальды играли на арфахъ и пѣли о подвигахъ героевъ, но кромѣ нихъ пѣли и гости, потому пѣніе всякому было почетно,

всякому доступно. То *запѣвала дѣва, словно лебедь бѣлоснѣжный* (gunnarslagr, str. 3), то самъ король бралъ у пѣвца арфу и пѣлъ. По скуднымъ извѣстіямъ о жизни разныхъ скальдовъ можно догадываться, что они состояли при королях, какъ должностныя лица, и, слѣдовательно, были пѣвцами княжескими. Такъ въ одномъ мѣстѣ упоминается о двѣнадцати пѣвцахъ, служившихъ у короля. Другіе же пѣвцы ходили съ мѣста на мѣсто, посѣщали далекія страны. Пѣвцы считались равными героямъ, были людьми благородными (edel spielman), на королевскомъ пиру занимали одно изъ почетныхъ мѣстъ, и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Такъ, говоритъ сага, одному пѣвцу Изунгу король подарилъ свой золотой перстень, полученный отъ матери, да еще одежду изъ пурпура съ золотомъ — свое королевское платье, да еще каждый изъ гостей далъ пѣвцу по маркѣ или по двѣ (Raszm. Heldensage. 445). Къ перехожимъ пѣвцамъ принадлежали *слѣпцы,* слѣпые уличные пѣвцы, которые также разказывали народу о дѣлахъ его предковъ (Grimm. Heldensage. 376,

399, 175). Здѣсь не мѣсто распространяться о связи скандинавскихъ преданій о Браги и Квасирѣ съ подобными преданіями славянскими, но замѣтимъ, что у обоихъ этихъ племенъ существовали одни и тѣже вѣрованія, и личность славянскаго пѣвца окружена была тѣмъ же самымъ миѳическимъ свѣтомъ, какъ и у скандинавовъ. Вѣщіе пѣвцы жили у князей, если только въ древности были князья, и бродили по жилищамъ, вдохновляя народъ на великіе подвиги. По всѣмъ вѣроятіямъ, они были извѣстны и другимъ народамъ, и поэтому къ одному мѣсту изъ сатиръ Ювенала (сат. XVI. 3 стр.), гдѣ говорится о бардахъ и друидахъ. Схоліастъ прибавляетъ: друиды, т. е., Славяне—Druidae i Slavi. (Diffenb. Orig. Europ. 246). Таковы-то были три славянскихъ пѣвца, которые въ 590 году, съ гуслями въ рукахъ, зашли во Фракію къ императору Маврикію (Theophyl. Hist. VI. II). Народные пѣвцы представляли собою видимую духовную связь между различными славянскими племенами, жившими около тихаго Дуная, и тѣмъ болѣе, что тогда пѣвцы и пѣсни разныхъ племенъ

имѣли много общаго между собою, роднаго, пѣли, можетъ быть, объ однихъ и тѣхъ же предметахъ (См. Очер. Бусл. 1. 390). Здѣсь на славянскомъ югѣ, и потомъ у южно-руссовъ развилась до высокой степени совершенства славянская поэзія. Еще въ кочевомъ быту, южный славянинъ не могъ обойтись безъ пѣсни, и бандура и кобза были принадлежностью всякаго человѣка, жившаго на конѣ, отчего въ одной пѣсни и называются они *подорожными*. Въ украинскихъ пѣсняхъ сохранился намъ слѣдующій образъ кочевника-пѣвца, казака-бандуриста:

Ой на Татарськихъ поляхъ,
На козацькихъ шляхахъ,
Не вовки—сіроманці квилять—проквиляють,
Не орли—чорнокрильці клекочуть и підъ небесами літають:
То сидить на могилі козакъ старесенький,
Якъ голубонько сивесенький,
У козбу грае—вигравае,
Голосно спивае....
. . . . . .

Будуть мене вовки — сіроманці зустрівати,
Будуть дідомъ за обідомъ коня мого заідати.
Кобзо жъ моя, дружино вірная,
Бандуро моя малеваная!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могилі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітае,
Струни твої зачіпае,
Смутнесенько, жалібнесенько грае — вигравае (Зап. о Ю. Р. 1. 187).

И эта бандура, сопровождавшая еще Кельтовъ на длинномъ ихъ переходѣ изъ Азіи черезъ всю Европу (Chants Popul. de la Bret. XXXIV) сохранилась до сихъ поръ, кромѣ Украйны, еще у Болгаръ, подъ именемъ *гуслы*.

Народные пѣвцы у Болгаръ и Сербовъ — *нищіе слѣпцы*, какъ и въ Украйнѣ. Въ Болгаріи ими населены городъ Битола въ Македоніи, и село *Балдево* въ Тракіи, въ Филипопольскомъ округѣ. Отсюда и названія *балдевскій просекъ*, *битольскій просекъ*, и пословица: зачервилъ са като балдевски просекъ, т. е. покраснѣлъ, какъ

балдевскій нищій. Промышляя пѣніемъ, они ходятъ по селамъ и городамъ, поютъ и сбираютъ милостыню. Они поютъ народу о Маркѣ Кралевичѣ, болгарскомъ народномъ героѣ, о его войнахъ съ Турками, Венгерцами, Дукатинцами и Латинцами; они поютъ народу о прошедшихъ его судьбахъ, какъ Сербскіе пѣвцы *о Коссовской битвѣ*. И, слушая ихъ, старушки плачутъ, дѣти воспитываются, а старики, почесываютъ чубы, заряжаютъ винтовки и идутъ въ горы. Очень рѣдко встрѣчаются у нихъ духовные стихи, и новѣйшій издатель этихъ стиховъ, г. Безсоновъ напрасно старается обратить Сербскихъ и болгарскихъ кобзарей въ каликъ перехожихъ.

Южно-Русская пѣсня развивалась на братскихъ, народныхъ пирахъ, сохранившихся въ велико-русскихъ *бесьдахъ*, а потомъ на княжескихъ пирахъ. На этихъ пирахъ, по словамъ былинъ, раздавались звончаты гусли гусляровъ, играли и пѣли скоморохи, гудошники и слѣпцы, бывшіе еще тогда пѣвцами народной славы. Начиналъ, говоритъ былина, гусляръ по струнамъ похаживать, и голосомъ поваживать, всѣ примолкали и слушали; окончилась пѣсня:

Нацяли гудосьниковъ удобривать,
И виномъ-то ихъ стали попаивать.

Изъ этихъ пѣвцовъ южно-русскаго племени вышелъ въ XI вѣкѣ знаменитый пѣвецъ Боянъ, память о которомъ сохранило намъ *Слово о полку Игоревѣ*. Боянъ — пѣвецъ княжій, Святослава и его дѣтей Романа и Олега (1076—1115), былъ представителемъ *старыхъ словесъ* (т. е. преданій) Славянскаго племени, былъ *соловьемъ стараго времени*, какъ его называетъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, достойный преемникъ Бояна. Боянъ, говоритъ Буслаевъ, былъ житель лучшей образованнѣйшей страны, именно южной Руси. Вмѣстѣ съ особенностями южной рѣчи и поэзіи, на немъ отразилась и ранняя образованность той страны; и въ то время, какъ на Волгѣ, на Шексне и на Бѣлоозерѣ кудесники творили разныя чудеса, а въ Новгородѣ волхвъ собиралъ около себя народъ противъ князя и епископа, нашъ юго-русскій пѣвецъ былъ уже другомъ князей, и не только прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усобицы. (Очер. 1. 399).

Пѣвецъ Игоря (1185—1186), переносящій

свои думы на историческую почву, и Несторъ, вносящій въ лѣтопись поэтическія преданія народа, были лучшими представителями просвѣщенія южной Руси до конца XII-го вѣка, и указывали на прекрасное будущее впереди. Но съ передвиженіемъ исторіи на сѣверъ, перешли туда и кіевскія поэтическія преданія. Въ сѣверной жизни народъ разошелся съ остальнымъ обществомъ, старинная пѣсня замерла, но и самъ народъ не могъ сохранить вполнѣ свою первоначальную чистоту, и вмѣсто народнаго пѣвца выслалъ изъ среды себя калику перехожаго. Кіевская Русь разошлась по областямъ, и потомъ перешла въ Москву, и за тѣмъ, въ лицѣ старовѣровъ, въ болота и лѣса Олонецкой губерніи. И подобно тому, какъ на берегахъ сѣвернаго моря, находятъ остовы допотопныхъ мамонтовъ, спасавшихся отъ всеобщей гибели, такъ въ Олонецкой губерніи открываютъ теперь окаменѣвшія кіевскія былины, унесенныя народомъ отъ *древне-русскаго* разгрома. Южная Русь, напротивъ, продолжала свою народную жизнь, развивала далѣе древнія поэтическія преданія, и во всей

цѣлости сохранила до нашихъ дней старинный образъ народнаго пѣвца. Въ нынѣшнихъ украинскихъ *слѣпцахъ-старцахъ* мы находимъ всѣ черты древнихъ славянскихъ и германскихъ пѣвцовъ, и эти черты мы прослѣдимъ по драгоцѣннымъ замѣткамъ, изданнымъ Кулишомъ въ Запискахъ о Южной Руси.

Украинскіе слѣпцы-старцы,—это или неспособные къ земледѣлію работники, или нищіе, сохраняющіе изъ поколѣнія въ поколѣніе народныя думы и преданія. Они пѣвцы и вмѣстѣ музыканты. Призываемые народомъ, они ходятъ по хатамъ и поютъ, получаютъ за это плату, и часто, наживъ деньгу, сами покупаютъ хату съ огородомъ, обзаводятся женою и дѣтьми, и платятъ подати наравнѣ съ другими крестьянами. Пѣсня и музыка не мѣшаютъ имъ заниматься ремеслами, напр. вить веревки, вязать крестьянскую упряжь, и т. п. Нѣкоторые же, пріобрѣтя хату, заводятъ школу пѣвцовъ. Такіе хозяева старческихъ ватагъ носили прежде названія *старечихъ королей*. Главная принадлежность украинскаго слѣпца это его музыкальные инструменты, рѣдко —

лира, родъ скрипки, а чаще всего *кобза* или *бандура,* отчего они и называются кобзарями и бандуристами. Это не мертвыя и часто тупыя фигуры великорусскихъ каликъ, поющихъ о томъ, чего они не понимаютъ, — нѣтъ, это живые люди, съ живою душею, болѣющіе и страдающіе, страдающіе до того, что плачутъ, когда поютъ. Пѣвецъ думъ, говоритъ Кулишъ, часто бываетъ растроганъ содержаніемъ пѣсни; его голосъ дрожитъ болѣе и болѣе, и, наконецъ, рыданія прерываютъ на нѣсколько минутъ и пѣніе и музыку. Пѣсни и думы его — его драгоцѣнность. Всякаго встрѣчнаго пѣвецъ угоститъ семинарскимъ псалмомъ или чечоточкою (Зап. о Юж. Р. 1. 100), и только съ пріятелемъ и близкимъ человѣкомъ подѣлится старшиною, дорогою ему думою. По этому кобзарь поетъ не отъ того, что пѣсни — его промыслъ, а въ силу своей поэтической природы: онъ не можетъ не пѣть, онъ въ пѣснѣ отводитъ свою душу. «Иноді и въ ночи встану, граю собі, граю»... разсказывалъ одинъ изъ кобзарей. Малороссійскіе нищіе, говоритъ Кулишъ, занимаютъ первое мѣсто по развитію

поэтическихъ и философскихъ способностей. (Сравни: Chants Pop. de la Bretagne, Villemarquè, 3-e èd. t. 1-er, XXXII). Они почти всѣ слѣпы. Немногіе изъ нихъ поступаютъ въ разрядъ нищихъ, т. е. собирателей милостыни, по какому нибудь калѣчеству (въ Велико-россіи рѣшительно всѣ); еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ всѣ знаютъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищихъ (Кул. Зап. о Ю. Р. I. 43). Это передовые люди своего сословія, прибавляетъ Жемчужниковъ. Они принадлежатъ къ тѣмъ честнымъ бѣднякамъ, которые, несмотря на свою нищету и безграмотность, бодры духомъ, свѣжи чувствомъ и разумомъ, которые трудомъ заработанный грошъ тратятъ не на облегченіе вопіющей своей бѣдности, но отдаютъ его на обученіе грамотѣ какого нибудь близкаго (Осн. 1861. VIII. XVII. 2). Кромѣ того это все люди глубоко религіозные, чуждые грубыхъ суевѣрій, преданные церкви (З. о Ю. Р. 1. 46—50), чего и тѣни нѣтъ у сѣвернаго калики перехожаго. Душа ихъ исполнена глубокой нѣжно-

сти, и лучшая отрада для нихъ ласкать дѣтей и играть съ ними (ib. 1. 66). Съ Кіевской Русью, передвинувшейся на сѣверъ, ушли туда и Кіевскія былины, и въ памяти украинскаго пѣвца сохранились только тѣ, которыя ближе были къ жизни, какъ напримѣръ, преданія *о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, о морскихъ походахъ Руси* подъ Византію, объ Олешѣ Поповичѣ. Но за то вся послѣдующая исторія юга, со всѣми ея радостями и страданіями, жива въ украинскихъ пѣсняхъ, часто имѣющихъ цѣну лѣтописи. Духъ же, проникающій всѣ эти думы и пѣсни,—это любовь къ *матери Сѣчи* (Січь мати) и къ *отчизнѣ Украйнѣ*, которую пѣвецъ любитъ больше всего, и любитъ наравнѣ съ послѣдней Украинкой, которая также въ своихъ пѣсняхъ поетъ о милой Украйнѣ. И если послѣ пѣсни украинскому пѣвцу остается что нибудь еще дорого — такъ это его бандура, неразлучная его спутница, повѣренная его думъ, его вздоховъ, — бандура, разгоняющая всеобщую тугу и сопровождаемая всеобщими благословеніями. Такъ плачетъ бандуристъ, принужденный разстаться съ своей

бандурой: «Ти жъ була моею втіхою, ти жъ розважала мене у всякий пригоді. Багато людей вельможнихъ, багато лицарства славного и всякого народу православного слухали твоіхъ пісень! Де ти не бувала, якої пригоди не дознала? Чи разъ же ти мою голову и зъ шинку визволяла? Чи разъ же ти въ заставі лежала, то й нігде жъ ти не застряла! А теперъ довелось мині съ тобою розлучатись, за чотирі карбованиі рублі тебе въ чужі руки оддавати, то й по вікъ вішний, може, тебе не видати!... (ib. 1. 199).

На сѣверѣ, куда мы теперь переходимъ, народъ сохранилъ древнія Кіевскія былины и побывальщины почти въ томъ видѣ, какъ онѣ создались, и только на мотивы ихъ онъ пѣлъ о Гришкѣ, о Грозномъ, о страдалицахъ-царицахъ и царевнахъ и т. п. Съ большею жизнію сохранились пѣсни обрядныя и праздничныя, для пѣнія которыхъ пѣвецъ — народъ принималъ характеръ древне-славянскихъ пѣвцовъ. Таковы, напримѣръ, пѣсни (колядки), распѣваемыя во время коледы. Лица, поющія колядки, называются въ Бѣлоруссіи *волочобни-*

кали отъ сл. волочиться, т. е. ходить съ мѣста на мѣсто съ пѣніемъ, иначе — перехожими. Волочобники—это пѣвцы, которые ходятъ съ пѣніемъ по деревнямъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Пасхи (Ср. Памят. Нар. Б. Болг. 1. 210, 216). Они приносятъ миръ и счастіе дому, и хозяева ждутъ ихъ, какъ благословенныхъ гостей. Пѣвцы набираются изъ крестьянъ, ходятъ партіями (ватагами) отъ 8 до 20 человѣкъ. Глава партіи *починальникъ*—мужикъ зажиточный и богатый, и онъ начинаетъ пѣснь, *а подхватники* подхватываютъ; онъ же получаетъ и подаяніе, которое собираетъ особое лицо, называемое *мѣхоношей*. Вмѣстѣ съ пѣвцами ходятъ и музыканты, одна или двѣ скрипки и дударь. Какъ странствующіе пѣвцы бретонцевъ, подойдя къ двору, стучатся и посылаютъ хозяину благословеніе, и если отворятъ имъ, то входятъ, иначе проходятъ мимо (Chants Pop. de la Bret. XXXIV), такъ и волочобники, подойдя къ дому, стучатся въ окно, привѣтствуютъ хозяина и становятся въ полукругъ; въ срединѣ починальникъ, и онъ затягиваетъ первый

стихъ, а подхватники припѣваютъ, за тѣмъ поется второй стихъ и т. д. Во время пѣнія подхватники хлопаютъ въ ладоши, а запѣвала сопровождаетъ свои слова приличными тѣлодвиженіями. По окончаніи пѣнія, изъ среды пѣвцовъ выдѣляется одинъ, и говоритъ хозяину привѣтствіе. (Пантеонъ, т. III; Русс. Дневн. 1859. 101). Эти волочобники и другіе праздничные пѣвцы представляютъ теперь послѣдніе слѣды народныхъ пѣвцовъ въ сѣверной Россіи; народный же пѣвецъ, какъ самостоятельный дѣятель, здѣсь совершенно утратился, такъ что исторія не помнитъ ни объ одномъ изъ нихъ, и *Кирша Даниловъ*, если онъ только принадлежалъ средней или сѣверной Россіи, кажется какимъ-то случайнымъ, исключительнымъ явленіемъ. Но съ замираніемъ личности народнаго пѣвца, и съ происходящимъ отъ этого замираніемъ народной жизни, въ тоже самое время подъ вліяніемъ книжнымъ, подъ вліяніемъ грамотника древней Руси, преимущественно Московской, возникаетъ на поверхности русской жизни мрачный образъ *калики перехожаго*. На нищихъ перешли черты древнихъ

миѳическихъ лицъ, и по этому сами нищіе явились хранителями нѣкоторыхъ вѣщихъ словесъ древняго времени. Въ преданіяхъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ мы встрѣчаемся съ богами, которые путешествуютъ и странствуютъ по землѣ. Такъ въ пѣсняхъ Эдды ходятъ по землѣ Одинъ, Гониръ (Hoenir) и Локи, и принимаютъ на себя различные образы. Въ позднѣйшихъ преданіяхъ, эти древнія странствующія существа принимаютъ христіанскія названія и обращаются уже прямо въ нищихъ. Это послѣднее преданіе составляетъ существенную сторону русскихъ народныхъ легендъ, а иногда и сказокъ. Такъ, напримѣръ, въ одной украинской сказкѣ, *Иванъ Голикъ*, владѣющій нездѣшнею силою, братается съ нищимъ, и дѣлается калѣкою. (Зап. о Юж. Руси. 2. 76). И на томъ же самомъ основаніи, какъ *небесныя силы*, съ которыми бьются богатыри и погибаютъ, какъ эпитеты, *святая* Русь, *святорусская* земля и пр. (Буслаевъ. Р. Вѣст. XXXVIII. 1. 49. 51.), означаютъ не христіанскія, а древне-миѳическія понятія, такъ точно и нищій, — какъ *святой* человѣкъ, имѣющій

святое происхожденіе (см. ниже) долженъ быть понятъ въ древнѣйшемъ миѳическомъ смыслѣ, какъ и понимаетъ его народъ. На основаніи этого миѳическаго происхожденія получаютъ значеніе и всѣ принадлежности нищаго: сума Лазаря—*святой кошель* (Bettelsack), милостыня Лазарю—*святая милостыня*, палка Лазаря—*нищенскій посохъ* (Bettelstab), который однако у нищихъ часто бываетъ набитъ *деньгами*. (Аѳ. Ск. 6. 122). Наконецъ, можно думать, что на образъ нищаго прямо перешло какое нибудь древнее миѳическое существо, и по этому, въ настоящее время, видимое состраданіе къ нищему часто ничто иное, какъ тайное сочувствіе къ забытому по имени богу. (Ср. Grimm. Myth. 862. пр. 2-е). Такимъ образомъ калики перехожіе, какъ древнія миѳическія лица и какъ пѣвцы вѣщихъ глаголовъ, сохранили до нашихъ дней, донесли *по памяти*, какъ они сами говорятъ (Пѣсни Кирѣев. 2. 275), древнѣйшія космогоническія преданія о сотвореніи міра, и сохранили даже самую древнюю форму преданія, именно загадку, которая составляется изъ вопросовъ и отвѣ-

товъ. Въ каликахъ перехожихъ сохранились нѣкоторыя черты древнихъ славянскихъ пѣвцовъ, которыя мы легко замѣтимъ, освободивъ ихъ отъ *древне-русской* отдѣлки.

Старинная пѣсня о сорока каликахъ съ каликою, записанная Киршею Даниловымъ, говоритъ, что калики выходили изъ Ефимьевой пустыни, изъ монастыря Боголюбова, но это извѣстіе должно понимать гораздо общѣе, т. е. что калики жили преимущественно около монастырей, и у монастырскихъ воротъ было главное поприще ихъ дѣятельности. Ходили они артелями *по сорока каликъ съ каликою,* во главѣ артели (ватаги) стоялъ атаманъ, котораго выбирали *въ кругу.* На каликахъ надѣты были сумки и *подсумки,* въ рукахъ у нихъ были клюки. Прійдя на мѣсто, они становились въ кругъ, клюки—посохи въ землю втыкали, и на нихъ вѣшали сумочки. Въ этихъ наружныхъ признакахъ каликъ перехожихъ мы находимъ, безъ сомнѣнія, черты древнихъ славянскихъ пѣвцовъ, и точно такія же намеки на старинную нравственную чистоту пѣвцовъ мы можемъ видѣть въ названіи каликъ *уда-*

лыми и *дородными молодцами*, и въ томъ, что у нихъ очень строго наказывались грѣхи. Калики перехожіе, продолжаетъ пѣсня Кирши Данилова, были *удалыми* и *дородными молодцами*, и водились за ними грѣхи—воровство и женскій блудъ (разказывается въ духѣ древней Руси), а потому въ каличьей артели былъ положенъ уставъ:

Кто украдетъ, или кто солжетъ,
Али кто пустится на женской блудъ,
Не скажетъ большому атаману,
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
Едина оставить въ чистомъ полѣ
И окопать по шею въ сыру землю.

Ходили они по селамъ и деревнямъ, по городамъ и пригородамъ, и собирали милостыню, чѣмъ бы, по словамъ пѣсни, *молодцамъ душу спасти*. Вѣщій голосъ древняго пѣвца слышится въ зычномъ крикѣ каликъ. Этотъ крикъ, которымъ они прошаютъ милостыни, такъ силенъ, что отъ него

Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.

(Безс. Кал. Пер. 1. 10).

Брали они милостыню не рублемъ, не полтиною, а цѣлыми тысячами. Заходя въ боярскіе и княжескіе терема, садились за столъ, имъ подавали вино и сладкія кушанья, они *пли, пили, потѣшалися*. Таковы древнѣйшія черты общаго наружнаго вида каликъ, указывающія на то, что въ древности они были истинными народными пѣвцами. Но этимъ и ограничивается ихъ родство съ народомъ, и во всемъ остальномъ, т. е. въ личности каликъ, въ духѣ, проникающемъ ихъ пѣсни, и въ томъ, какъ народъ понимаетъ каликъ, — они чистѣйшее произведеніе *древней Руси*, гдѣ миѳическія вѣрованія получили мрачный, дьявольскій характеръ, гдѣ въ слѣпотѣ видѣли связь съ нечистыми силами, и самые пѣвцы сдѣлались представителями нечистой силы.

Какъ изъ *уродовъ*, на основаніи народныхъ повѣрій, выходили *юроды, юродивые*, такъ изъ *калыкъ — калики перехожіе*. На основаніи довольно темныхъ для насъ древнихъ вѣрованій, когда слово *богъ* имѣло болѣе частное значеніе, всякій человѣкъ, лишившійся зрѣнія, языка, членовъ тѣла, переходилъ по этому въ вѣдомство

бога, ему благопріятствовали вышнія силы, онъ дѣлался *убогимъ* (*чешск:* ubožatko, nebozatko, nebozak, nebozez, nebozka; *укр:* небога, неборакъ, небожникъ; *русс:* небога). Но когда народъ сталъ видѣть въ калѣчествѣ присутствіе враждебной силы, когда стали дѣлать заговоры отъ *слѣпаго знахаря* (А. Ю. Св. Калач. II. VI. 1—7), то и самое слово *убогій* было перенесено на дьявола. Прежніе слѣпцы съ ихъ вѣщимъ значеніемъ обратились въ *провидошъ*, какъ называются лазари въ Каргополѣ (Ол. Г. Вѣд. 1857. 26—27), и въ Вологодской губерніи, просить милостыни тоже, что *кликать*. (Оп. Обл. Слов). Отсюда нищіе получающіе силу отыскивать нѣкоторыя травы, напримѣръ, траву *нечуй вѣтеръ*, а встрѣча съ нищимъ слѣпцомъ, или, какъ сказано въ одной рукописи, кто *слѣпца стрячетъ*, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ (Щаповъ о расколѣ. 750). Эти то мрачные, слѣпые нищіе, жившіе только для сбора милостыни, которую они сбирали, распѣвая Лазаря, сами стали называться *Лазарями*. Отсюда переносное значеніе, по которому *лазарями* называются всѣ, надоѣдающіе своими

просьбами, конючащіе, притворщики: «полно лазаря-то пѣть,» говорятъ. Лазари не знаютъ ни пѣсенъ, ни историческихъ былинъ, поютъ одни *стихи*. Стихи каликъ изданы недавно г. Безсоновымъ, который почему-то назвалъ каликовъ калѣками (Калѣки перехожіе, сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. Ч. I. вып. 1. 2. 3). Безсоновъ преклоняется предъ каликами съ какимъ-то благоговѣніемъ. Для него ничего не существуетъ выше калики. Онъ видитъ каличьи черты въ позднѣйшихъ преданіяхъ объ Ильѣ Муромцѣ, а Илья Муромецъ у него представитель народа, по этому каличій характеръ, каличій духъ есть, по Безсонову, ступень народнаго развитія. По нашему, если это ступень, то ступень самая низкая, на которой народный духъ, народныя преданія являются, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ самомъ искалѣченномъ видѣ. На этой ступени калики сходятся съ *морельщиками*, *скопцами* и *самосожигателями* (См. Сбор. Русскихъ духовныхъ стиховъ, составл. Варенцовымъ), но, не смотря на все это, Безсоновъ любитъ ихъ съ какой-то врожденной страстью: «съ раннихъ лѣтъ, гово-

ритъ онъ, останавливалъ я вниманіе на этихъ лицахъ.» Собраніе стиховъ каликъ перехожихъ у Безсонова, по его словамъ, превосходитъ тысячу, и всѣ они, по большей части, принадлежатъ средней и сѣверной Россіи, на которой древняя Русь оставила такіе твердые слѣды. Напротивъ въ Украйнѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, сохранился во всей чистотѣ древній образъ народнаго пѣвца, калики почти неизвѣстны, а если бываютъ тамъ, такъ это захожіе съ сѣвера. Безсоновъ сожалѣетъ о большомъ недостаткѣ у него каличьихъ пѣсенъ изъ Малороссіи, и думаетъ, что, при обиліи этихъ пѣсенъ *для прочихъ вѣтвей Руси и всего православнаго славянства было бы горько и досадно только здѣсь* (т. е. въ Украинѣ) *остаться въ нищетѣ*, и призываетъ къ содѣйствію всѣхъ молодыхъ (?) Украйнцевъ. Но, во 1-хъ, кого ни призывайте, г. Безсоновъ, никто никогда не пришлетъ вамъ украинскихъ каличьихъ стиховъ, по тому самому, что они не существуютъ. Во 2-хъ, всѣ, которые не считаютъ каличьи стихи за *своеобразныя и самобытныя произведенія народнаго твор-*

чества (Безс. Кал. Пер. 1. 1), искренно возрадуются, узнавъ, что украинскій народъ до того умѣлъ сберечь себя, что у него нѣтъ ни каликъ, ни каличьихъ пѣсенъ, а есть благоуханныя женскія пѣсни, есть историческія думы, да еще чистые народные пѣвцы, подобные сербскимъ старцамъ-кобзарямъ, поющимъ о Коссовской битвѣ, и болгарскимъ старцамъ-гуслярамъ, разсказывающимъ о Маркѣ Кралевичѣ.

Стиль каличьихъ духовныхъ стиховъ, говоритъ проф. Буслаевъ, упорно остановился на романской варварской эпохѣ, и только закоснѣлъ, будучи скованъ теологическимъ началомъ, которому Византія строго подчинила поэзію и искусство (Русс. Рѣчь. 1861. № 26). Въ нихъ мѣсто былеваго творчества замѣнило книжное преданіе, а древнія вѣрованія получили мрачный, дьявольскій характеръ. Что же касается до художественнаго значенія каличьихъ пѣсенъ, то объ этомъ лучше всего говорятъ сами пѣсни, перешедшія мало по малу въ грубыя вирши, даже неспособныя къ чтенію.

Вмѣсто свѣтлаго содержанія народныхъ пѣ-

сенъ, въ стихахъ каликъ преобладаетъ сила злая, сила змѣя, змѣища, змѣя Горынища, *муки змѣиныя,* что далѣе развивается въ антихриста, приближеніе котораго ожидается ежеминутно:

Скоро намъ будетъ тое времячко злаго антихриста,
Время на три года будетъ и нашесть мѣсяцевъ.

Человѣкъ на каждомъ шагу видитъ *прелестнаго врага и діявола,* и злой врагъ орудуетъ всей человѣческой жизнію, онъ даже уничтожаетъ самодержцевъ:

А злый ненавистникъ врагъ,
Властолюбецъ богомерзкій,
Не можетъ зрѣти самодержцовъ:
Вложи въ зависть Святополка
Убить Бориса и Глѣба (Кал. Пер. 3. 666).

Вѣчная борьба съ нечистыми силами далѣе переходитъ во вражду ко всему, что только возбуждало неудовольствіе древне-русскаго грамотника, но о чемъ народъ иногда и не слыхалъ. Миѳическое преданіе о землѣ, принимающей кровь, обращается въ *землю, пожирающую кровь жидовскую,* а отсюда *Ироды, силы*

жидовскія, бусурманскія, проклятые жиды, и проч., отъ чего надо очищать землю святорусскую (ib. 3. 543).

Въ томъ же духѣ идетъ плачъ о народахъ, захваченныхъ дикими людьми, и заключенныхъ въ темницахъ, и проклинаются Мамаи и т. п.

О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь!

За Мамаемъ царемъ той же участи подвергаются Діоклитіаны, *безбожни Еллини*, а далѣе *раскольники поганы*, чего ужь никто не сыщетъ въ чисто-народной литтературѣ:

О Русь, о Русь, прекрасная страна!
Въ тебѣ живутъ Татары злые,
Ругаются святынѣ раскольники поганы.

Отсюда же, какъ необходимое слѣдствіе, и *скрежетъ зубовный*, и пѣсни *гробалъ*:

Вы, гробы ли, гробы,
Привѣчные намъ домы. (Сб. Русс. дух. ст. 25, 56, 57, 42)

Но проповѣдуя народу вражду къ раскольникамъ, калики-перехожіе сами держались многихъ раскольничьихъ ученій. Такъ, напримѣръ, они поучали о спасеніи въ пустыни. Бѣгство изъ городовъ и селъ и блужданіе по свѣту,

обусловливаемыя то нуждами земли, то извѣстными гражданскими обстоятельствами, представляютъ одну изъ замѣчательныхъ сторонъ древней Руси. Бѣгство народа прежде было или простымъ передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто, или молчаливымъ протестомъ, но съ конца XVII вѣка, оно стало обращаться въ аскетическое ученіе о пустынѣ. При посредствѣ различныхъ писаній, возникъ въ обществѣ образъ пустыни, влекущей къ себѣ всякаго живаго человѣка. У раскольниковъ появилась секта *странниковъ*, главнымъ догматомъ которой было бѣгство отъ антихристова владычества, удаленіе отъ семейства и *странствованіе въ лѣсахъ и пустыняхъ* (Макар. Ист. Раск. 306). Духъ же этой секты, существовавшей задолго до расколовъ, проникалъ всѣхъ, и раскольниковъ и не раскольниковъ. Пойти въ пустыню, *гдѣ наши отцы угодили Богу* (Кал. Пер. 1. 256), сыскать тамъ старца, сдѣлаться отъ него свѣтозарнымъ, и, оставивъ той злобный міръ, стать дивіимъ звѣремъ, и тѣмъ спасти свою душу,—таковъ былъ идеалъ

древней Руси, воплотившійся у каликовъ въ образъ *Іоасафа царевича*.

Въ дальней долинѣ стоитъ *прекрасная пустыня* и нѣкій Іоасафъ царевичь оставляетъ свой богатый дворецъ, отца, мать, и бѣжитъ въ пустыню *въ младыхъ лѣтахъ потрудиться*, и тѣмъ подражать Христу:

Тебѣ, Христе, подражаю,
Нищъ и босъ хощу быти,
Да съ тобою могу жити (ib. 1. 260).

И вотъ говоритъ онъ мрачной пустынѣ:

На царскія вси палаты златы
Не хочу взирати;
Покоевъ свѣтлыхъ, чертоговъ
Славы и чести премногой
Бѣгалъ, аки отъ змія:
Пустыня моя, пріими мя
Отъ суетна прелестнаго
Вѣка мало времяннаго;
Въ своя младыя лѣта
Отвращуся отъ свѣта.
Буду аки звѣрь дивій,
Единъ въ пустыни бѣгая,
Во дни и въ ночи работая.

—

Пустыня моя, пріими мя
Отъ суетнаго, прелестнаго
Вѣка маловремяннаго,
Да во своя младыя лѣта
Отвращуся сего свѣта.

—

Сего ради въ тя прибѣгаю,
Отъ антихриста убѣгаю.
Не знаю себѣ что и быти,
Да гдѣ мнѣ главы подклонити.
Понеже антихриста дѣти
Всюду простерты имуть сѣти;
Хотятъ онѣ насъ уловити,
Къ антихристу покорити;
Своимъ ересемъ осквернити,
А душу мою погубити;
И пивомъ своимъ напоити,
А вѣру Христову потребити.

Объяснивъ пустынѣ, что враги хотятъ погубить его душу и пр., младъ-юноша проситъ пустыню взять его къ себѣ:

Любезная моя мати,
Прекрасная моя пустыня!
Пріемли меня въ пустыню
Отъ юности прелестныя,
Укрой меня, мать-пустыня,
Въ темныя тѣ ночи,

Научи меня мать-пустыня
Какъ божью волю творити.
Ѣсть гнилую колоду:
Гнилая колода
Лучше царскаго яства;
Испивать болотную водицу
Лучше царскаго пойла.

Но пустыня не вѣритъ ему; она указываетъ ему на всѣ соблазны свои во время весны:

Какъ придетъ весна красная,
Всѣ луга, болота разольются,
Древы листомъ одѣнутся,
На древахъ запоетъ птица райская
Архангельскими голосами:
Но ты изъ пустыни вонъ изойдешь,
Меня мать прекрасную пустыню позабудешь.

Нѣтъ, отвѣчаетъ юноша, я вѣдь недаромъ же выросъ въ матушкѣ Москвѣ, я умеръ давно для всего живаго и свѣтлаго:

Не прельщусь я на всѣ благовонны цвѣты,
Оброщу я свои власы
По могучія плечи,
Отпущу свою бороду
По бѣлыя груди,
Я не дамъ своимъ вочамъ

Отъ себе далече зрити,
Я не дамъ своимъ ушамъ
Отъ себѣ далече слышать.

Я, продолжаетъ онъ, буду жить въ пустыни, не взирая *на вольное царство*, и тебя, мать моя прекрасная, не покину (Кал. Пер. 1. 217):

Про тебя, матерь пустыня,
И самъ Господь знаетъ;
Тебя, матерь пустыня,
Всѣ архангелы хвалятъ,
И преподобные прославляютъ, и пр. и пр.

Эти послѣднія стихи прямо указываютъ намъ на книжное вліяніе. Тому же книжному вліянію и тому же аскетическому духу обязаны своимъ происхожденіемъ стихи о Лазарѣ, и объ Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ. Алексѣй Божій человѣкъ также оставляетъ въ свадебную ночь свою молодую княгиню и отходитъ въ иную землю за батюшкины грѣхи помолиться, за матушкины труды потрудиться, и дѣлается убогимъ: власъ долгій,

Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася,
А зрѣніе помрачишася.

Тѣмъ же самымъ странническимъ и плачевнымъ характеромъ отличаются и стихи объ *Іосифѣ прекрасномъ*. Гораздо важнѣе для насъ, постороннихъ изслѣдователей, а не для народа, который тутъ ничего не находитъ, древнѣйшія космогоническія преданія Славянъ, сохраненныя каликами въ стихахъ *о голубиной книгѣ*. На лица же Св. Егорія и Св. Николы народъ перенесъ какія-то древнія миѳическія лица, точно также, какъ и на Св. Димитрія Селунскаго перенесъ онъ какое-то лицо героическаго періода. Но стоитъ лишь сравнить хоть преданія *о голубиной книгѣ*, сохраненныя каликами, съ подобными преданіями германцевъ, то легко увидать, сколько въ послѣднихъ сохранилось жизни, свѣжести и величайшей художественности, и какъ первыя отупѣли среди византизма.

Такимъ образомъ, стихи каликъ, проникнутые книжнымъ, древне-русскимъ духомъ, навѣвали на народъ одну тоску, не принося ему ни нравственной энергіи, ни какой либо отрады въ будущемъ. По этому въ народѣ къ каликамъ прислушивались только одни нрав-

ственно-больные, только одни совершенно-разбитыя сердца; здоровые же отвращались отъ нихъ, гоняли ихъ отъ себя. И, кажется, что это отвращеніе чувствовалось, не только людьми, но и самыми деревенскими собаками, — злѣйшими врагами каликъ. Съ одного конца вошли въ деревню калики, а на другомъ — собаки ужь подняли головы и сбѣгаются, и страшнымъ лаемъ провожаютъ каликъ до другаго конца деревни, и долго еще потомъ ворчатъ, хотя калики давно скрылись изъ виду.

Тупое повтореніе заученыхъ фразъ, соединенное съ попрошайствомъ, губительно дѣйствовало и на каликъ, и изъ нихъ вырабатывались самыя грубыя личности со всевозможными пороками. Великорусскій народъ иначе не понимаетъ блуждающихъ нищихъ, какъ ворами и мошенниками. Приводимъ здѣсь сказку, которую разсказываетъ народъ про *слѣпцовъ*: «Въ Москвѣ бѣлокаменной жилъ одинъ парень въ работникахъ; вздумалъ на лѣто въ деревню идти и сталъ просить у хозяина разсчета. Только немного пришлось ему получить денегъ, — всего на всего одинъ полтинникъ. Взялъ онъ

этотъ полтинникъ и пошелъ за Калужскую заставу; смотритъ, — сидитъ на валу слѣпой нищій и проситъ Христовымъ именемъ подаянія. Мужикъ подумалъ-подумалъ и сжалился; подалъ ему полтинникъ и сказалъ: «это, старичокъ, полтинникъ; прими изъ него Христа ради семитку, а сорокъ восемь копѣекъ дай мнѣ сдачи». Слѣпой положилъ полтинникъ въ свою мошну и снова затянулъ: «православные христіане, подайте Христа ради слѣпому невидущему»! — Что-жь ты, старикъ, подавай мнѣ сдачу. А онъ будто не слышитъ: «ничего, родимой! еще солнышко высоко, успѣю до двора помаленьку добрести». — Оглохъ, что ли? мнѣ самому идти добрыхъ сорокъ верстъ, деньги въ дорогѣ-то надобны! Взяло мужика горе пуще остраго ножа: «эй, говоритъ, старой чортъ! подавай сдачу; не то я съ тобой раздѣлаюсь по своему!» И началъ его поворачивать на всѣ стороны. Слѣпой во всю глотку закричалъ: «батюшки, грабятъ! караулъ, караулъ»! Побоялся мужикъ бѣды нажить, бросилъ слѣпаго: лучше, думаетъ про себя, отъ грѣха уйдти; а то неровенъ часъ — прибѣ-

гутъ караульные, да еще въ городъ поведутъ! Отошедъ шаговъ съ десятокъ, или больше, остановился на дорогѣ и все глядитъ на нищаго: жалко, вѣдь, своихъ трудовыхъ денегъ! А тотъ слѣпой на двухъ костыляхъ ходилъ, и оба костыля при немъ лежали: одинъ съ праваго боку, другой съ лѣваго. Разгорѣлось у мужика сердце, радъ всякое зло ему сдѣлать: «постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, какъ-то ты домой поплетешься»! Вотъ подобрался потихоничку и унесъ одинъ костыль. Слѣпой же всталъ и поплелся на одномъ костылѣ; слѣдомъ за нимъ поплелся и мужикъ. Шли-шли; недалече отъ деревни, у самаго-таки перелѣска стоятъ двѣ старыхъ избушки. Подошелъ слѣпой къ одной избушкѣ, распоясался, снялъ съ пояса ключъ и отперъ свою келью; только онъ отворилъ дверь настежъ, — а мужикъ поскорѣй туда, забрался напередъ его, сѣлъ на лавку и духъ притаилъ: «посмотрю, думаетъ, что дальше будетъ»? Вотъ слѣпой вошелъ въ избушку, наложилъ на дверь изнутри крючекъ, оборотился къ переднему углу и помолился на святыя иконы; опосля

бросилъ кушакъ съ шапкою на прилавокъ и полезъ подъ печку,—такъ и загремѣли сковородки и ухваты. Маленько погодя, тащитъ оттудова боченокъ; вытащилъ, поставилъ на столъ, и началъ вытряхать изъ мошны набранныя деньги да въ боченокъ класть: у того бочепка съ боку горлышко было малое — такъ, чтобъ мѣдному пятаку пролѣзть. Покидалъ туда деньги, а самъ таково слово вымолвилъ: слава Богу! насилу пятьсотъ доровнялъ; да спасибо и тому молодцу, что полтинникъ далъ: кабы ни онъ подъ руку попался, еще дня три просидѣлъ бы на дорогѣ». Сказка оканчивается тѣмъ, что мужикъ взялъ эти пятьсотъ рублей себѣ, да еще у другаго старца нашелъ пятьсотъ рублей и ушелъ. (Аѳан. Ск. 6. 130). Нищій старецъ, поселившись близъ народа, вносилъ въ жизнь одни раздоры, дѣлался общественной болячкой. «Нѣкій старецъ *просецъ*, разсказываетъ Филиповъ въ исторіи Выговской пустыни, «попроса пришедъ въ Суземокъ, ходя по скитамъ, милостыни проса, смиреннымъ плачевнымъ образомъ скитался по сиротски и поселился въ Пельяской

скитъ, купи себѣ кельишко у нѣкакой сироты, и ту водворяяся самовольно, а для его нищеты никто его сиротства ради не гонилъ вонъ. Но по Суземку хождаше, а овое и по волостямъ, прошая, и по кабакамъ скиташеся и вино піяше. А егда въ Суземокъ пріидетъ, являяся въ Суземскомъ согласіи, а въ миръ исходя съ мирскими соглашашеся, и послѣ къ себѣ и посестрію свою тутъ же приведе, и оная съ нимъ прошаше и кормяшеся: и начаше онаго старца добромъ вонъ высылати. Онъ же не слушаше никого; и его выгнали, и онъ за это подалъ на Суземокъ *донось* (Ист. Филипова 426). — Въ этихъ послѣднихъ личностяхъ, возсозданныхъ народомъ въ сказкахъ, калики-слѣпцы переходятъ уже въ обыкновенныхъ нищихъ. Но обратимся еще разъ къ каликамъ. Говоря о народныхъ пѣвцахъ и о каликахъ, мы не имѣли ни малѣйшаго намѣренія прослѣдить исторію народнаго пѣвца; такая задача не по силамъ нашимъ. Мы ничего не сказали ни объ индивидуальныхъ отличіяхъ народныхъ пѣвцовъ по племенамъ, ни объ отличіи княжескихъ пѣвцовъ отъ народныхъ; мы

не указали на то, о чемъ именно пѣли пѣвцы у различныхъ племенъ и въ различные періоды исторіи. Наконецъ, мы не видали различія пѣвцовъ по характеру ихъ быта, напримѣръ, что школы, гдѣ воспитывались калики перехожіе, очень мало имѣли общаго съ средневѣковыми школами духовныхъ пѣвцовъ изъ сиротъ, о чемъ говорится у Дюканжа подъ словомъ cantores, и что тѣ и другія школы совершенно не были похожи на украинскія школы кобзарей. Но еслибъ и захотѣли мы прослѣдить всѣ эти и подобные имъ вопросы, то должны были бы отказаться, за недостаткомъ свѣдѣній и матеріаловъ. Исторія русскаго народа—terra incognita, древній бытъ Славянъ—тоже, нѣкоторыя славянскія племена, какъ напримѣръ, Болгаръ, мы знаемъ только по имени,—и при такомъ положеніи науки многаго не сдѣлаешь. По этому въ нашемъ трудѣ мы ограничились указаніемъ самыхъ простыхъ фактовъ. Мы указали, напримѣръ, что народные пѣвцы проходятъ съ народомъ черезъ всю его исторію, и тамъ, гдѣ они сохранили свое народное значеніе, тамъ цѣла, чиста, и свѣжа самая народ-

ность, и свѣтла ея будущность. Тамъ только могутъ совершаться такія явленія, что народный кобзарь, какъ Шевченко, въ одно и тоже время и полный представитель народа, и вождь его на пути добра, и лучшій поэтъ просвѣщеннаго общества. Но тамъ, гдѣ народные пѣвцы измѣнили народному духу, вмѣстѣ съ пѣвцами изкалѣчиваются и общество и народъ. Тутъ ужь великое счастье, если явится и Кольцовъ, оплакивающій свою печальную участь, и извѣстный по этому только на городскихъ площадяхъ, но совершенно чуждый народу. Не слыша пѣсней, трогающихъ сердце и пробуждающихъ духъ, народъ опускается ниже и ниже. Такъ извѣстно, что русскій народъ вообще врагъ нищенства и побирошества, что это вообще здоровый, честный и гордый народъ, но за то — въ частности — въ Украйнѣ очень рѣдкій рѣшится нищенствовать, а въ Великороссіи, во многихъ мѣстахъ, нищенство обращается въ привычку, въ болѣзнь. Въ деревняхъ и селахъ около матушки Москвы ни одинъ, кажется, мужикъ не откажется выманить Христа ради гривенникъ. Въ Кунцовѣ,

лѣтомъ по воскресеньямъ, мальчишки и дѣвчонки, дѣти зажиточныхъ мужиковъ, ходятъ толпами и не стыдятся сбирать по копѣечкамъ. Не лучше и самое общество. Есть множество такихъ дикихъ господъ, которые потѣшаются на дачахъ деревенскими ребятами, сбирая ихъ, и заставляя за копѣечку ходить на головѣ, купаться въ одежѣ, драться, бѣгать и т. под. Обращаясь къ русскому нищенству, преимущественно великорусскому, мы увидимъ, что если не привлекательно положеніе народа, то положеніе общества еще хуже.

III.

Переходы отъ Лазарей къ нищимъ, мы должны прежде всего объяснить слово «нищій». Древніе святые люди, отрекшись отъ богатствъ сего міра, запирались въ монастыряхъ и дѣлались нищими, а на этомъ основаніи въ древней Руси все наше благочестивое духовенство и монашество, какъ истинные наслѣдники древняго благочестія, считались за нищихъ, и, въ самомъ дѣлѣ, жили милостынею доброхотныхъ

дателей. До сихъ поръ еще у часовни Иверской Божіей Матери стоятъ ряды монахинь и монаховъ, кто съ книжкою, завернутой въ пелену, кто съ тарелкой. Точно тоже, что и въ древней Руси: съ пеленами на сооруженіе просятъ, говоритъ Стоглавъ. Во всякой монашеской кельѣ, вы найдете извѣстную лубочную картину, изображающую монаха, распятаго на крестѣ, и испещреннаго различными символическими объясненіями, и, между прочимъ, ноги монаха прикованы къ камени, съ надписью «нищета». За этимъ естественнымъ положеніемъ человѣка, усвоившаго себѣ идею отреченія отъ міра, слѣдовали всѣ праздношатающіеся, которые занимались *нищенскимъ подвигоположничествомъ*.

Къ нимъ принадлежали *вольные нищіе, отрекающіеся отъ своей собственности и въ Бога богатьющіе, неся крестъ смиренія и терпѣнія* (Снегиревъ *). Было много такихъ, которые, «раздавъ имѣніе родителей своихъ нищимъ», ни-

*) Московскіе нищіе, соч. И. Снегирева. М. Полиц. Вѣд.

щали (Пам., изд. Костомаровымъ 1,263) подобно блаженной Ульяніи, которая «милостыню безмѣрну творя, ревнуя прежнимъ женамъ», сама обнищала (ib. 1, 215). Въ рукописяхъ Румянцовскаго музея (№ 437) находится слово: о нѣкоемъ мілостивомъ человѣкѣ, како продаде себе Христа ради и вмилостыню отдаде. Наконецъ идутъ настоящіе нищіе. Это неимущіе, захребетники, бобыли, бѣглые, погорѣлые, ослѣпшіе, спившіеся, идутъ они предъ нами, и масса ихъ постоянно увеличивается отъ отсутствія въ жизни всякихъ человѣколюбивыхъ началъ, отъ постоянныхъ разгромовъ, пожаровъ, ежегодно истреблявшихъ цѣлые города, моровыхъ повѣтрій, голодныхъ временъ, рабства и пр. и пр. Костомаровъ говоритъ: «всѣ обстоятельства тогдашней жизни такъ слагались, чтобы плодить нищую братію: ихъ плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помѣщики, и ратные люди, и Татары. Какъ набѣжитъ Нагайская орда изъ степей, да пожжетъ хлѣбъ на поляхъ, а въ селеніяхъ избы, — жители, успѣвъ спастись отъ татарскаго аркана въ болотахъ и лѣсахъ и очутившись безъ крова и безъ хлѣба,

расходились по Руси просить милостыни. (Арх. Кал. кн. 4, III, 35). Злочастіе своей жизни такъ описывалъ русскій народъ:

И за то *) Господь Богъ на нихъ прогнѣвался:
Положилъ ихъ въ напасти великія,
Попустилъ на нихъ скорби великія
И срамныя позоры немѣрныя,
Безживотіе злое, сопостатные находы,
Злую, непомѣрную наготу и босоту
И безконечную нищету,
И недостатки послѣдніе.....

(Горе—злосчастіе. Памят., изд. Костомаровымъ томъ I, стр. 1. Сравни: Соврем. 1860, № 9, V, стр. 263: о коркахъ хлѣба, покупаемыхъ *теперь* народомъ у нищихъ).

Въ огрубѣлой массѣ нищихъ вырабатывались жестокія натуры, личности дикія и злобныя. Возвысившись надъ своими собратіями, они дѣлались атаманами, старостами, начальниками, и давали нищенству дальнѣйшее развитіе. На свѣтѣ постоянно жило много такихъ благоче-

*) То есть за грѣхи русскаго народа: такъ учили въ матушкѣ древней Руси.

стивыхъ, которые, для спасенія своего, чувствовали нужду въ нищихъ, и вотъ, вслѣдствіе этого запроса на нищихъ, явилось и производство ихъ. Атаманы нищихъ собирали дѣтей. Одни изъ этихъ дѣтей были нещастными порожденіями бѣдности и разврата, другія краденыя у матери, третьи сманенныя нищими или отданныя имъ на воспитаніе. «Вотъ они видятъ ребенка на заваленкѣ, выпрашивающаго мірское подаяніе,—ребенка, обезображеннаго въ утробѣ матери, оборваннаго, грязнаго, возбуждающаго и жалость и отвращеніе: того только и нужно хитрому старику или старухѣ; — ребенка сманиваютъ, уносятъ силой или выпрашиваютъ у бѣдныхъ родителей,—у вдовы-матери, обремепенной семействомъ. Обливаясь слезами, или обрадовавшись случаю избавиться отъ выродка, она сама отдаетъ его добрымъ людямъ на попеченіе, причитаетъ надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ, но успокоиваетъ свою совѣсть тѣмъ, что благо (молъ) его кормятъ, а (можетъ быть) и святой будетъ, за насъ грѣшныхъ молить станетъ! (Бочечкаровъ, о воспитаніи нищихъ. Арх. Калач. кн. 3, V, стр. 52),

Нищіе за наемъ взятыхъ ими дѣтей платили по 80 к. ас. и по рублю въ день, а за уродливыхъ и по 2 рубля. (Чт. О. И. и Др. 1861 1). Можно представить послѣ этого сумму, которую ежедневно добывали нищіе?... Несчастныя дѣти, выростая на морозѣ, въ голодѣ, и въ вѣчныхъ побояхъ, скоро привыкаютъ къ своему быту. Дѣвочка едва начала говорить, а ужь повторяетъ извѣстныя формулы просьбы: будьте отцы милостивы, сотворите святую милостыньку, поминаючи родителей во царствіи небесномъ; или: подайти копѣечку, подайти Христа ради..... И проходятъ мимо нихъ милліоны благочестивыхъ, подающихъ имъ копѣечки, и выростаютъ они, и производятъ новыя поколѣнія нищихъ.

Вся эта лѣстница нищей братіи поддерживается извѣстнымъ ученіемъ, которое отвергнуто духовнымъ регламентомъ. Подачею милостыни выражалось у древне-русскаго человѣка чувство милосердія и состраданія. Еслибъ не было нищихъ, благочестивый человѣкъ не могъ бы утѣшать своей совѣсти: подать нищему— значило проложить себѣ путь къ прощенію

отъ Бога (Арх. Кал. 4, III, 35). А потому и говорили, что «въ рай входятъ святой милостыней» (Лѣт. русс. лит. часть 2, XXIII), говорили, что

Нищій богатымъ цитается.
А богатый нищаго молитвой спасается.
(Рум. Муз. № 365).

По этому же нищіе считались *красою церковною, Христовою братіею, церковными людьми, богомольцами за міръ*, какъ говоритъ г. Снегиревъ, прибавляя приэтомъ, что самое богатство церковное, по правиламъ Св. Апостолъ, было (?) богатствомъ убогихъ (Снег. *Моск. Пол. Вѣд.*). Написано было объ этомъ много «словъ» и «поученій». Такъ, напримѣръ, въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея находятся: поученіе нѣкоего отца духовнаго, — какъ подобаетъ милостыню творити (№ 182, по рук. XVI в.); о управленіи души и о разсмотрѣніи милостыни (№ 359, по рук. XVI); начало пути жизненному, еже поучатися божественному писанію и жити въ нищетѣ (№ 361 по рук. XVI). Старецъ Павелъ Высокій оставилъ слово ко всему міру: о холодности къ нищимъ, начинающееся такъ: «почто

затворяете врата отъ нищихъ»? Слово, какъ увидимъ, относилось прямо къ народу (Рукопись XIV в. Обзоръ духов. лит.). Одинъ, напримѣръ, такъ поучалъ въ XV вѣкѣ: милостыня дерзновеніе имѣетъ ко Владыцѣ невозбранно о душахъ грѣшныхъ и отъ узъ тяжкихъ разрѣшаетъ, къ Богу на небеса возводитъ: творяй бо милостыню, той другъ Божій наречется и въ страшный онъ грозный день великаго Божія неумолимаго суда Христа умилостивитъ и добрѣ свободитъ душу отъ вѣчныхъ мукъ (Снегир. ibid). Живетъ человѣкъ долгое время, а все грабитъ, да распутствуетъ, да пьетъ, да ѣстъ, какъ вдругъ приходитъ смерть. И боится человѣкъ умереть безъ покаянія, боится страшнаго суда Божія и такъ молитъ смерть, обѣщая ей загладить свои грѣхи разными *добрыми дѣлами*:

Я поѣду въ домъ свой, побываю,
И много у меня въ дому житья-бытья,
Много злата и серебра:
Я расточу свою казну
По церквамъ, по монастырямъ,
И по нищее братіе.

Хочу своей душѣ пользы получити
На второмъ суду, по прошествіи (Сбор. рус. дух. стиховъ, 129).

Поработать своему спасенію значило раздать нищимъ имѣніе. Стихъ «о Михаилѣ Архангелѣ» начинается такъ:

Еще зналъ бы человѣкъ житіе вѣку себѣ,
Своей бы силой поработалъ,
Разное свое житье-бытье бы пораздовалъ,
На нищую на братію на убогую (ibid. 137).

Въ стихѣ о спасеніи души говорится:

Да тихомирная милостыня,—
Введетъ въ царство небесное,
Въ житье вѣковѣчное (ib. 158).

Такова была общая норма спасенія!—Кромѣ того сильнымъ побужденіемъ къ пропитанію нищихъ, была милостыня въ видѣ эпитиміи, налагаемой духовнымъ отцемъ на кающихся грѣшниковъ, потомъ поминовенія усопшихъ въ третины, девятины, полусорочины, сорочины и годовщины, которыя точнѣе и неупустительнѣе соблюдались въ старину, чѣмъ нынѣ. И вотъ вамъ картина древне-русскихъ поминокъ, созданная Костомаровымъ въ его повѣсти изъ вре-

менъ XVII вѣка: «Сынъ». Христовы слова: «нищіе всегда имате», запечатлѣлись надъ всею исторіею Россіи. Казалось, откуда бы взяться такому обилію нищихъ въ странѣ, такой дѣвственной и мало населенной? А между тѣмъ, гдѣ только отправлялось помиповеніе по усопшемъ, являлось ихъ чрезвычайное множество. Какъ вороны на добычу, стекались они на эти грустные пиры. Когда хозяинъ, священники и причетъ проходили изъ церкви въ домъ съ кутьею, нищая братія *поднимала* нестройный вой и плачъ, смѣшеніе всевозможнѣйшихъ звуковъ. Иные просили милостыни; затягивая самымъ плачевнымъ напѣвомъ: побейте меня, да покормите! Руки-ноги поломайте, да милостыньки Христовой подайте! Женщины заводили всѣми родами пискливыхъ дискантовъ, въ которыхъ нельзя было разобрать ни одного слова, а такъ называемые божіи старцы, полу-нищіе, полумонахи, обрекавшіе себя, какъ они говорили, на странническое житіе, не просили, а пѣли правоучительные стихи о кратковременности человѣческой жизни и о превосходствѣ монастырскаго житія предъ мірскимъ (стр. 35).

Благочестіе, вызывавшее милостыню, было сильно, но оно далеко не достигало своей цѣли,— оно замерло при самомъ своемъ началѣ. При полномъ отсутствіи въ жизни нравственныхъ началъ, какъ мы уже замѣтили, дѣла милосердія и любви остановились на одной форменной сторонѣ милостыни, на признаніи только одного акта милостыни, и отсюда произошла, такъ называемая, *копѣечная подача*, которая, въ свою очередь, выработала себѣ новую форму *сороковой милостыни*. Вѣрованіе въ число сорокъ есть остатокъ древнихъ миѳовъ, удержавшійся въ жизни подъ другимъ смысломъ. Въ повѣсти о Щилѣ (по рук. XIV вѣка. Памят. изд. Костом. № 2): Архіепископъ Иванъ велитъ сыну Щила молиться за погибшаго отца: «и повелѣ на 40 дней у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетниками *довольно*, да поютъ въ тѣ дни по 40 понихидъ и литургій неизмѣнно, а въ ту сорокъ дній милостыню безпрестанно творити», и продолжать это до тѣхъ поръ, пока отецъ Щила совсѣмъ выйдетъ изъ ада. «И, въ самомъ дѣлѣ, прежде Щилова голова высунулась изъ ада, потомъ онъ самъ до

пояса, а потомъ и весь вышелъ». Во время *беременности*, говоритъ Авдѣева, когда женщина не имѣетъ апетита, берутъ у нищихъ 40 милостынь, т. е. 40 кусковъ хлѣба, и она ѣстъ ихъ. (Записки о стар. и новомъ бытѣ). Движимыя благочестіемъ богомолки ходятъ по монастырямъ, и подаютъ милостыню. Что же они дѣлаютъ? Они покупаютъ связку крошечныхъ баранокъ (величиною въ полкопѣйки), которыя *нарочно* для сего пекутся, и продаются связками по 40 штукъ, и раздѣляютъ ихъ на каждаго нищаго по одной бараночкѣ, что называется *сороковою милостынею*, имѣющею особенное свойство спасать душу. Такимъ образомъ изъ обширнаго развитія древне-русской милостыни не вышло ничего, кромѣ копѣечной милостыни и множества нищихъ, ничего, кромѣ легкой возможности старой дѣвкѣ замолить грѣхи своей молодости, купцу прикрыть злѣ нажитое богатство, подъячему успокоить свою нечистую совѣсть, и все это за поданную ими копѣечку, какъ будто этимъ они сдѣлали какое-нибудь доброе дѣло. Смыслъ благотворительности, а слѣдовательно и размѣръ ея идутъ

параллельно съ народнымъ развитіемъ. У насъ народу даютъ копѣйку, чтобы онъ не умеръ съ голоду, а въ древнихъ Аѳинахъ бѣднымъ платили деньги, чтобъ они могли наслаждаться театральными представленіями. Что, кажется, хуже римской черни, но и это была классическая чернь, требовавшая кромѣ panem еще circenses (хлѣба и игръ!) Милостыня, обращаясь въ пустую форму помощи, въ дѣло лицемѣрія и, освящаясь въ этомъ видѣ, привычкой и потворствомъ, вытѣсняла изъ народнаго сознанія настоящее понятіе о благотворительности, уничтожала въ зародышѣ малѣйшій порывъ къ доброму дѣлу. «Гибнутъ, говоритъ г. Курбановскій, цѣлыя семейства отъ неимѣнія средствъ выйдти изъ случайной бѣды, а между тѣмъ щедрая благотворительность неразборчиво распространяется на зрячихъ слѣпыхъ и хромыхъ, способныхъ бѣгать» (Совр. 1860 IX, 260). И изъ этой древне-русской безчувственности, породившей пословицу, что на Руси *«никто съ голоду не умиралъ»*, происходило и то, что плохо дѣйствовали многочисленные указы, направленные противъ нищихъ; что

наши попечительные комитеты о нищихъ, составленные (по 427 Св. Зак. т. XIV, о содержащихся подъ стражею, 33—38), изъ мѣстныхъ архіереевъ и начальниковъ губерніи, такъ мало приносили пользы. Въ 1854 году губернскіе и уѣздные комитеты 17 губерній доносили, что распоряженія о произведеніи въ исполненіе высочайшей воли, касательно искорененія нищенства, сдѣланы; но дѣйствій по сему предмету не было, вслѣдствіе не представленія полиціями нищихъ, хотя таковые и имѣются въ городахъ. На этомъ основаніи въ 1855 году, изъ 63 губернскихъ комитетовъ, кромѣ столичныхъ, дѣйствовали только 12, изъ 360-ти уѣздныхъ — семь! (ibid.)

Эти-то, спасающіе грѣшниковъ, нищіе раздѣлялись на *богадѣленныхъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патріаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, гулящихъ* и *леженокъ*. Нищіе, имѣвшіе пристанище въ избушкахъ, назывались *богадѣленными*. «Они, говоритъ Снегиревъ, имѣли ночлегъ и пристанище въ укромныхъ избушкахъ, кельяхъ и клетяхъ, кои разсѣяны были по улицамъ,

переулкамъ въ Кремлѣ и Китаѣ, Бѣломъ и Земляномъ городахъ, при церквахъ, часовняхъ и монастыряхъ.» Каменныя богадѣльни стали строить со временъ Елисаветы Петровны. Множество богадѣленъ, упоминаемыхъ въ XVII вѣкѣ, никакой не приносили пользы для призрѣнія бѣдныхъ. Если кому и удавалось жить тамъ и получать содержаніе, то это были случайные люди, дармоѣды. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный возсталъ противъ нихъ на Стоглавомъ Соборѣ, и велѣлъ всѣхъ ихъ повыгнать изъ богадѣленъ. Всѣ же остальные, находившіе въ богадѣльняхъ кровъ, были обыкновенными нищими, которые только назывались богадѣльными. До сихъ поръ существуютъ богадѣльни при кладбищахъ; живутъ тамъ нищія старухи, и всякій разъ, когда кого-нибудь хоронятъ, богадѣленки не дадутъ спокойно зарыть могилу, и требуютъ милостыни. При царскомъ дворцѣ, въ Кремлѣ, существовали нищіе подъ именемъ *богомольцевъ верховыхъ*, которые отъ царя получали не только пищу, но даже и жалованье и *форменную одежду*. Они дожили до Петра и разъ просили у него *кормовъ и жалованья*,

какіе они получали при его родителяхъ. (Снег.) Ко дворамъ, гдѣ хранились царскіе запасы, также приписаны были нищіе, и были чѣмъ-то въ родѣ служащихъ. Таковы были нищіе *Аптекарскаго двора.* (Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх. II, 71.) Были нищіе, жившіе при соборахъ, по свидѣтельству г. Снегирева, *въ родѣ штатныхъ.* «Такъ, сидѣвшіе при Успенскомъ соборѣ, убогіе и калеки именовались успенскими», другіе архангельскими, васильевскими (Василія Блаженнаго) и чудовскими. «Успенскихъ нищихъ было 12, вѣроятно, по числу 12 апостоловъ». (Снег. ibid, 25). Были, вѣроятно, нищіе и при областныхъ соборахъ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ города Мурома 1637 года: «въ осыпи-жъ позади церкви Николы, что за Хлѣбнымъ рядомъ, мѣсто дворовое соборнаго протопопа Ѳедора, а нынѣ на томъ мѣстѣ дворъ соборнаго пономаря Васьки Тимофеева, да четыре кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, *платятъ* соборному протопопу Ѳедору съ братіею на годъ съ кельи по гривнѣ, и того 12 алтынъ, 2 деньги. (Влад. Губ. Вѣд. 1853, № 45.) Извѣстны патріар-

шія богадѣльни, называвшіяся *домовыми* или *келейными*. Для содержанія патріаршихъ нищихъ, собирались пошлины съ церквей, по 3 алтына съ каждой, и пошлины собирали десятинники, недѣльщики, намѣстники. При монастыряхъ состояли цѣлыя слободы нищихъ, какъ, напримѣръ, при Новгородско-хутынскомъ и Троице-сергіевомъ (ист. Рос. Іерар. 2). *Для монастырскихъ нищихъ выдавались отъ царей руги и милостыни* (Соборъ 1557). Въ писцовыхъ книгахъ города Мурома значится: въ городѣ четыре двора монастырскихъ, «а въ тѣхъ дворехъ 63 человѣка дворниковъ — бродячихъ людей, тягла не тянутъ и никакихъ податей не дѣлаютъ, а люди бѣдные, *бродящіе*, кормятся своей работою, а иные питаются Христовымъ именемъ (Вл. Г. В. 1853, № 44). Тоже было и при церквахъ. Около каждой церкви была одна или нѣсколько избъ, гдѣ жили *церковные* нищіе. Несчетное количество церковныхъ нищихъ наполняло сѣверную часть Новгородской области. Вслѣдъ за ханжами и раскольницами тянулись туда изъ Московскаго царства и толпы

нищихъ, и тамъ, въ глуши и въ невѣдомыхъ заозерныхъ пространствахъ, наполненныхъ церквами и монастырями, они селились цѣлыми слободами. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка: Обонѣжской пятины, погостъ имоченитской на Ояти, а на погостѣ церкви..... да 10 келей, а въ нихъ живутъ 12 братьевъ чернцовъ, да пять келей, *а въ нихъ живутъ нищіе бѣльцы, старицы.* (Невол. VI). На рожественскомъ погостѣ 11 келей, а въ нихъ 14 старицъ, да 15 келей, а въ нихъ живутъ нищіе старцы и старицы (ib. 173). Погостъ покровскій на Вытегрѣ за Онѣгомъ, а на погостѣ 20 келей, живутъ въ нихъ старцы (стр. 175) и т. д. По другимъ писцовымъ книгамъ видно, что въ 1674 г. «на бѣлоозерѣ и на посадѣ посадскихъ же людей старыхъ и увѣчныхъ, и которые бродятъ въ мірѣ 112 дворовъ, а людей въ нихъ живутъ 189 человѣкъ. (Акты Юр. 256). Въ Муромѣ, напримѣръ, въ 1637, считалось «47 келей чорныхъ старцовъ и старицъ, да 8 келей нищихъ, да на монастырскихъ же и церковныхъ земляхъ 104 дворищковъ бобыльскихъ».

(*Влад. Губ. Вѣд.* 1853, № 49). Число нищихъ, жившихъ при московскихъ и новгородскихъ церквахъ, было громадно. О церковныхъ нищихъ до насъ дошли два распоряженія: Судебникомъ царя Ивана Васильевича (§ 91) велѣно было нищихъ отъ церкви удалять: на монастыряхъ быти нищимъ, которые питаются отъ церкви Божіей, а патріархъ Іоакимъ въ 1678 г. велѣлъ сломать нищенскія избы, стоявшія по улицамъ, а нищимъ приказалъ жить у церквей, *гдѣ пристойно* (Лит. Вечеръ М. 1844. 21).

Наконецъ, калики и леженки, свидѣтельствуетъ г. Снегиревъ, имѣли днемъ постоянное пребываніе на мостахъ: старомъ каменномъ (Троицкомъ), на Никольскомъ, Спасскомъ и Куретномъ, потомъ на Всесвятскомъ, или Берсеневскомъ, у Троицкаго подворья въ Кремлѣ и на Варварскомъ крестцѣ, также на другихъ крестцахъ. Тамъ было сборное мѣсто нищихъ изъ разныхъ сословій; тамъ сходились удрученные бѣдностію, старостію, или недугами, пѣвцы Лазаря, по большей части слѣпые, жалобнымъ, заунывнымъ голосомъ испрашивавшіе себѣ подаяніе; тамъ же выставлялись гробы, для сбора

въ нихъ милостыни, а божедомы вывозили изъ убогаго дома въ тележкѣ подкидышей.

IV.

Всѣ, дошедшіе до насъ памятники доисторической жизни Славянъ, свидѣтельствуютъ, что въ то время нищихъ не было, да и не откуда было имъ взяться; народъ жилъ замкнутыми родами, а земля была велика и обильна. Но при Владимірѣ уже упоминается о баснословномъ числѣ нищихъ, а при Ярославѣ они получаютъ юридическое положеніе въ обществѣ, дѣлаются *людьми церковными*. Какъ установилось тогда понятіе о нищихъ, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ лѣтописныхъ указаній. Въ 1113 году вдова Святополкова раздѣляетъ богатство свое «въ монастыри, попамъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ». Въ 1154 г. Ростиславъ раздаетъ монастырямъ, церквамъ и нищимъ порты, золото, и серебро. Въ 1187 г. Ярославъ Галицкій раздаетъ все имѣніе монастырямъ и нищимъ. Въ 1194 г. Святославъ Всеволодовичъ нищихъ милуетъ. Въ 1195 г.

«Давыдъ, позва манастырѣ всѣ на обѣдъ, былъ съ ними веселъ, милостыню сильну раздава имъ и нищимъ, и отпусти я». Сплетая похвалы князьямъ, книжники и грамотники не думали отыскивать въ нихъ какихъ-либо гражданскихъ, или военныхъ добродѣтелей; они пѣли на всѣ голоса объ одномъ княжескомъ нищелюбіи. Про Владиміра говорили, что онъ раздалъ однажды нищимъ 300 гривенъ. Если то была новгородская гривна, то выходитъ, согласно Погодину, что онъ раздалъ 3000 р., а если кіевская, то 2000 р. сереб.: сколько же было тогда нищихъ, и откуда это они вдругъ могли явиться, словно налетѣвшая на землю саранча?.....

Много хвалятъ въ 1212 г. Всеволода Юрьевича, и плачутся по немъ, какъ по *кормилецъ нищихъ*. Про одного князя говорятъ, что онъ «кормитель бяшеть чернцомъ, чернецамъ и убогимъ и всякому чину, яко возлюбленный отецъ бяшеть, паче милостынею бяше милостивъ», а про другаго, что онъ *утѣшалъ нищихъ* (Пол. собр. лѣт. II, 221, 390). Не будемъ снова повторять всѣ эти похвалы, продолжающіяся отъ XII до XVIII вѣка, а лучше обратимъ вни-

маніе на самый характеръ столь похвальной благотворительности. Русскіе цари, предъ наступленіемъ великаго поста, на сырной недѣлѣ, раздавали обильную милостыню, а потомъ ѣздили по монастырямъ прощаться со старцами и одѣляли ихъ милостынею, а про царицу говорили, что она *ходила*. (Забѣлинъ. Москвит. 1850, 5). Цари и царицы часто дѣлали *походы* по монастырямъ; по дорогамъ, гдѣ ѣхалъ царскій поѣздъ, собранный съ чисто азіятскою роскошью (Котошихинъ, Забѣлинъ) выходили нищіе и ложились, и подавалась *проѣзжая* милостыня нищимъ, лежанкамъ, дряхлымъ старцамъ и всякимъ убогимъ и бѣднымъ людямъ. Изъ изслѣдованій Забѣлина «о троицкихъ походахъ», мы приведемъ нѣсколько цыфръ, которыя укажутъ читателю на размѣръ и смыслъ царской милостыни. «Въ 1636 году, сентября 21, какъ царица Евдокія Лукьяновна пошла изъ Москвы въ троицкій осенній *объѣздъ*, и по ея государынину приказу на Москвѣ и по дорогамъ *нищимъ и всякимъ бѣднымъ* людямъ раздано на милостыню *рубль двънадцать алтынъ*. Того же дни государыня пришла въ село То-

нинское, и по ея государынину приказу села Пушкина *попу рубль*—подносилъ съ попадьею блинки. Октября 2, въ Юрьевѣ-Польскомъ, какъ государыня ходила молиться въ соборъ, и за ихъ государское здоровье нищимъ и всякимъ бѣднымъ людямъ милостыни 2 р. 30 алтынъ. Октября 8, какъ государыня пошла изъ Александровы слободы и, идучи дорогою, пожаловала разныхъ селъ попомъ—четыремъ человѣкамъ, да дьячку милостыни *рубль*, да черному старцу-пустыннику, да уродливому по 8 алтынъ по 2 деньги человѣку, да нищимъ по рукамъ *18 алтынъ*». Ко времени царскаго пріѣзда въ монастырь стекалось туда множество нищихъ, и нищимъ и монастырской братіи цари раздавали щедрую милостыню. Не смотря на богатства Троице-Сергіевой Лавры въ XVII вѣкѣ, цари и царицы въ частыя посѣщенія Лавры *удовольствовали игумена съ братіею милостынею и кормолъ* (Троицкіе походы, стр. 5). Въ 7172, 15 генваря, въ Савинѣ монастырѣ роздано: на молебенъ 30 р., въ придѣлъ Саввы Чудотворца 10 р., ручныя милостыни архимандриту да келарю 3 р., казначею да боль-

ничному строителю по 2 руб., соборнымъ старцамъ — двумъ человѣкамъ 1½ р., 20-ти священникамъ по 40 алтынъ, 30 дьяконамъ по 30 алтынъ, гробовому ризничему, уставщику, головщикамъ — двумъ человѣкамъ по 40 алтынъ, конархистомъ, крылошаномъ, пономоремъ, просвирному по 20 алтынъ по 4 деньги, большимъ служебникомъ 14 человѣкамъ по 40 алтынъ, сенадищику 23 алтына, рядовой братіи — 63 человѣкамъ, больничнымъ 37 по 20 алтынъ, тремъ конархистомъ по 10 алтынъ, келейникомъ у архимандрита и у келаря и у казначея и убольничной братіи — 7 человѣкамъ по 2 гривны, пришлымъ старцомъ, и потомъ и дьячкомъ вдовымъ по гривнѣ, *нищимъ и стрѣлецкимъ женамъ на раздачу архимандриту 5 рублей.* Разныя были цѣли, съ которыми подавалась въ монастырь милостыня. Подавали ее для поминовенія родителей, для того, чтобъ молились о новорожденныхъ и о больныхъ; подавали ее и потому, что монахи просили о ней. Въ 1399 г. чернецъ Бѣлозерскаго монастыря Кириллъ такъ писалъ великому князю: «Кириллъ чернечище, грѣшный и непотребный съ своею

братицею, проситъ милостыни,.... а милостынку бы есте посилѣ давали: понеже, господине, поститесь не можете, а молитеся также, ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня, вамъ недостатокъ исполнитъ». Царская милостыня въ монастыри была какой-то государственной обязанностію, чѣмъ-то въ родѣ жалованья, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Котошихина: поповъ, и діаконовъ, и служебниковъ соборныхъ церквей и иныхъ кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день, а инымъ ѣсть и пить даютъ въ домы; да имъ же даютъ денги, чтобъ они за ихъ государское здоровье молили Бога, по 10 и по 5 рублевъ и меньше, а меньшое самое по полтинѣ, смотря по церквамъ, какъ кому годовое царское жалованье идетъ. А въ городы посылаютъ царскія грамоты, соборныхъ и иныхъ церквей попомъ и дьякономъ велятъ давать молебныя деньги, противъ московскихъ вполы, *изъ городскихъ доходовъ*. Да съ Москвы-жъ въ городы по монастыремъ посылаются столники, стряпчіе, жилцы, съ милостыною и съ молебными денгами, и кормить чернцовъ—и даютъ денги по 5 рублевъ и по 4 и по 3 и по 2

и по рублю и по полтинѣ и меньше чернцу, смотря по человѣку, да по полотенцу и по 2 платка. А по веселіи его царскомъ, пойдетъ царь съ царицею по московскимъ монастыремъ, и молебствуютъ, и кормятъ черицовъ, и даютъ милостыню: архимандритомъ, и игуменомъ, и келаремъ по 20 и по 15 и по 10 рублевъ человѣку» (Котошихинъ, изд. 1859, стр. 11). Упоминаемыя Котошихинымъ *кормленія поповъ и діаконовъ*—это были, такъ называемые, *столы*. Эти столы остатокъ древнихъ родовыхъ обычаевъ угощать по праздникамъ своихъ ближнихъ, неимущихъ, принадлежащихъ къ роду, и пришельцовъ (странниковъ), впослѣдствіи устроивали съ чисто-религіозными цѣлями. Столы бывали въ большихъ монастыряхъ и у патріарховъ. Такъ при патріархѣ ежегодно учреждаемо было девять столовъ: семь во всю свѣтлую седмицу, осьмый въ праздникъ Успенія Богоматери и девятый на Сырной недѣлѣ, на память святѣйшихъ патріарховъ. Крупицами отъ сихъ трапезъ кормили убогихъ» (Литер. Вечеръ. М. 1844, 26). Столы эти указомъ 1729 г. уменьшены до трехъ, а теперь быва-

етъ только одинъ въ день Успенія Богородицы, къ которому въ крестовую палату приглашаются всѣ высшіе военные и гражданскіе чины, а нищіе ужъ болѣе не приглашаются. Наконецъ, часто бывали царскіе столы для бояръ и духовенства; къ столамъ приглашались нищіе и убогіе. Такъ въ 1678 году у патріарха кормлено было нищихъ 2,500 человѣкъ.

Во время свадебъ, великихъ праздниковъ и въ поминальные дни царскіе покои наполнялись толпами нищихъ, обѣдавшихъ за особыми столами. Особенно щедры были на эти угощенія царица и царевны, жившія *по Домострою* попа Сильвестра, учившаго: «нищихъ, и маломожныхъ, и скорбныхъ, и странныхъ пришельцевъ призывай въ домъ свой и, *по силѣ*, накорми и напой.» Мы уже видѣли, что по народнымъ преданіямъ, жена князя Владиміра угощала нищихъ заморскими винами; въ ея покояхъ нищіе *пили, ѣли, потѣшалися*. Тоже самое и въ XVII вѣкѣ. У Маріы Матвѣевны, напримѣръ, на поминкахъ по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ пять дней кормились 300 нищихъ, и каждому изъ нихъ дано по чаркѣ вина

двойнаго и по кружкѣ меду. У Прасковьи Ѳеодоровны по царѣ Иванѣ Алексѣевичѣ кормились тоже 300 человѣкъ въ 5 дней. У Татьяны Михаиловны въ 9 дней 220 человѣкъ. У Евдокіи Алексѣевны, съ сестрами, въ 7 дней 350. Мало было царицамъ угостить нищихъ, имъ еще нужны были бесѣды съ нищими, богоугодные съ ними разговоры. Въ 1665 г. въ недѣлю Женъ Мироносицъ, въ теремныхъ покояхъ царя кормлено было 60 нищихъ. Вотъ накормили и напоили ихъ, роздали имъ денегъ, и отпустить бы ихъ. Нѣтъ! нищая братія изъ покоевъ царя *взята была* въ царицыны хоромы, гдѣ имъ роздано было еще семь рублей. Въ XVII в. нищіе, юродивые и тому подобные люди поѣдали и выпивали большую часть царскихъ запасовъ, а запасы эти были велики. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Туманскаго, «царицѣ Маріѣ Матвѣевнѣ для тезоименитства ея было отпущено вина 20 ведеръ, 7 кружекъ, 8 чарокъ, да къ святому патріарху романеи, бастра, ренского, всего четыре кружки съ полукружкою.» Если же царицы удалялись въ монастырь, то и туда къ нимъ собирались ни-

щіе, и туда отпускалось имъ такое же количество вина, какъ и въ мірѣ. Инокѣ Сусаннѣ (Софьѣ) отпускалось по ведру пива приказнаго и пива мартовскаго, два ведра пива приказнаго хмѣльнаго и легкаго, четыре бочки полубременныхъ ренскаго, бочка церковнаго, всего же 75 ведеръ, а кромѣ того: водки коричневой, анисовой и пр..... И вотъ, вслѣдствіе такого-то кормленія и такого *выхованія*, по выраженію одного сборника XVI в., нищіе откармливались и размножались. Воровство и грабежъ, свидѣтельствуетъ Флетчеръ, были часты отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: дай мнѣ, или убей меня! Обители, говорятъ отцы Стоглаваго Собора, богатыя землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни отъ государя: впредь да не стужаютъ ему! И вотъ, по словамъ Стоглава, черницы и черницы, бабы и дѣвки, мужи и жонки, лживые пророки, волосатые и съ бритыми макушками (гуменцо), то въ рубищѣ, то босые въ однѣхъ рубашкахъ, то совсѣмъ нагіе; одержимые бѣсами и блаженные, святоши и окаянные; лишенные ра-

зума, прокураты и цѣлые строи каликъ и лазарей ходятъ, ползаютъ, лежатъ, гремятъ веригами, трясутся, скитаются по улицамъ, и по селамъ, и по деревнямъ, и въ волостяхъ. Одни собираютъ на церкви, другіе пророчествуютъ объ антихристѣ; эти поютъ стихи, а тѣ показываютъ раны; всѣ же они *не Бога ради скитаются, свою волю дѣютъ.* Ими наполнены княжескіе и царскіе терема, торги, площади и крестцы; ими набиты всѣ церкви, а церквей много. Во время службъ, по словамъ патріарха Іоасафа, по церкви бѣгаютъ шпыни человѣкъ по десяти и больше, съ пеленами на блюдахъ; собираютъ на церковь, являются малоумными, въ церкви смута, брань, драка, писк и визгъ, драка до крови и лай смрадный, ибо многіе приносятъ въ церковь палки съ наконечниками..... Всю эту картину видѣлъ Грозный. Она мучила его доброе и честное сердце, она раздражала его не меньше боярскихъ козней. И вотъ благочестивый царь, возмущенный положеніемъ своего государства, сзываетъ Соборъ святителей, и, нарисовавъ предъ изумленными глазами ихъ, картину окружающей ихъ нищеты,

проситъ у нихъ содѣйствія, грозитъ имъ Божіимъ судомъ. Онъ говоритъ: «милостыня и кормъ годовой, хлѣбъ, и соль, и деньги, и одежда по богадѣльнымъ, по избамъ, *по всѣмъ городамъ* даются изъ нашея казны, и христолюбцы милостыню даютъ же; а нищіе, и клосные, и гнилые, и престарѣлые, въ убожествѣ гладъ, и мразъ, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпятъ, не имѣютъ гдѣ главы приклонити, по міру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются (?), отъ глада и мраза въ недозорѣ умираютъ, и безъ управы и безъ покоянія, и безъ причастія, *никимъ не брегомы*. И о тѣхъ, что промыслите? Православнымъ царемъ и княземъ и святителемъ достоитъ о нихъ промыслити». Соборъ святителей на это отвѣчаетъ, что *надо* всѣхъ нищихъ и больныхъ *описати по всѣмъ градомъ*, что *надо* въ коемждо градѣ строити богадѣльни, а *боголюбцы милостыню* и вся потребная имъ *принесутъ* ради своего спасенія (Стоглавъ. Гл. V, LXXIII). Голодъ при Борисѣ Годуновѣ производитъ новые ряды нищихъ: въ то бо время, безъ числа нищихъ бѣ (Памят. изд. Костом. 1. 5.) Нищими занимается Соборъ

1681 года. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ указѣ 1682 года говоритъ, что по улицамъ бродятъ и лежатъ нищіе; притворные воры, прося подъ окнами милостыни, подмѣчаютъ, кто и какъ живетъ, чтобъ послѣ обокрасть; малыхъ ребятъ съ улицъ крадутъ, и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобъ люди, на нихъ смотря, умилилися, и больше имъ милостыни давали; сидятъ обезображенные болѣзнями, такъ, что чреватыя жоны ихъ пугаются; великое число дѣтей по улицамъ бродитъ, и ничему ихъ не учатъ. Царь повелѣлъ, между прочимъ, нищихъ дѣтей учить наукамъ и мастерствамъ. (Царств. Ѳеод. Алекс., соч. Берха. Приложенія, стр. 86—100). Приближался XVIII вѣкъ.

Первое сомнѣніе во святости нищихъ, первыя положительныя мѣры противъ нихъ принадлежатъ XVIII вѣку. Въ этотъ вѣкъ является борьба государственнаго начала съ *нищенскимъ* и совершается она въ одно время во Франціи и Россіи. Но Петръ, бывшій у насъ проводникомъ этого новаго движенія, былъ въ то время и сыномъ древней Руси, а потому и мѣры,

употребленныя имъ противъ нищихъ, были отчасти круты и жестоки. Древне-русское общество, заступаясь за нищихъ, возстало противъ Петра, но не за жестокія его мѣры,—они были въ духѣ древней Руси, а за невѣріе въ нищихъ. Невѣріе! кричитъ одинъ: «кто теперь милостыню любве ради ко Христу подаетъ неоскудно, про того говорятъ: не знаетъ, куда имѣніе свое употреблять, не къ рукамъ досталося» (См. Щаповъ. Русс. Раск. Старообр.) Въ 1691 году велятъ забирать гулящихъ людей, которые подвязавъ руки, такожь и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, и притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя, и разсылать ихъ по мѣсту жительства; а если они снова появятся, бить кнутомъ и ссылать въ дальніе Сибирскіе города. Повторяя этотъ указъ въ 1694 году, прибавляли: безмѣстныхъ чернцовъ и черницъ, поповъ и діаконовъ, чтобы они по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились, приводить въ Стрѣлецкій приказъ (Пол. Собр. Зак. № 1489). Является неслыханная дотолѣ вещь: запрещаютъ по улицамъ и въ церквахъ подавать милостыню. Указъ 25 фев-

раля 1718 года велитъ *неистовыхъ монаховъ* и нищихъ, которые являются на Москвѣ, и ходятъ по гостямъ, и по рядамъ, и по улицамъ, и сидятъ на перекресткахъ, *и жалованные изъ богадѣленъ:* имая ихъ, приводить въ Монастырскій приказъ, а милостыни отнюдь имъ не подавать; а если кто похочетъ дать милостыню, то имъ отсылать ее въ богадѣльню; а которые послѣ этого будутъ подавать милостыню, то ихъ также приводить въ приказъ и имать на нихъ штрафу: въ первый разъ по пяти, а въ другой по десяти рублевъ, а для присмотру вышеупомянутыхъ неистовыхъ монаховъ и нищихъ, и подавцевъ милостыни опредѣлить нарочныхъ поимщиковъ. Въ томъ же году вышли указы: 25 мая — о нищихъ, 20 іюня № 3213 съ замѣчаніемъ, что нищихъ паки умножилось. Пойманныхъ въ первый разъ, въ послѣднемъ указѣ, велятъ бить батожьемъ нещадно; буде въ другой разъ будутъ пойманы, бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаузъ, а ребятъ къ мастерствамъ. Воеводамъ, по инструкціи, данной имъ въ 1719 году, поручено смотрѣть

за гуляющими и увѣчными людьми, и имѣть главный надзоръ за прядильными домами. Указомъ 1720 г. подтверждено запрещеніе: по улицамъ и по церквамъ милостыни не просить и никому не давать. Старовѣры, безъ сомнѣнія, недовольны были этимъ. Посошковъ о послѣднемъ указѣ отказывался, что онъ «учиненъ не весьма здраво, и тѣмъ никогда не унять, да и невозможно унять, и то положеніе не безъ противности». Указомъ 1722 г. велѣно имать штрафъ съ тѣхъ, къ кому нищіе пристаютъ (т. е. кто ихъ держитъ). Новый взглядъ на нищихъ развитъ съ особеннымъ вниманіемъ въ духовномъ регламентѣ, изданномъ святѣйшимъ синодомъ по повелѣнію Петра Великаго и остающимся во всей силѣ до настоящаго времени. Возставая противъ *бездѣльниковъ*, которые, при полномъ здоровьѣ, по міру ходятъ безстудно, регламентъ говоритъ, между прочимъ, что «лѣнивіи оные нахальники сочиняютъ нѣкая безумная и душевредная пѣнія, и оная съ притворнымъ стенаніемъ предъ народомъ поютъ, и простыхъ невѣжъ еще вящше обезумливаютъ, пріемля за то награжденіе себѣ. По дорогамъ

гдѣ угодно грабятъ, разбиваютъ, зажигатели суть, на шпіонство отъ бунтовщиковъ наряжаются, самую власть злѣ обносятъ, въ церковь входить не свое дѣло помышляютъ, только бы имъ предъ церковію вопить непрестанно. Младенцемъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ, а иные члены развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе. Во истину нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей.» Регламентъ (уложеніе, которымъ доселѣ должна руководствоваться Церковь) уничтожаетъ подачу милостыни по улицамъ и по церквамъ, и велитъ обращать ее въ монастырское управленіе и отсылать туда всѣхъ нищихъ; онъ въ первый разъ проводитъ въ жизнь идею о благотворительности; идеей благотворительности руководится и правительство. Имѣя у себя въ государствѣ 478 монастырей, очень богатыхъ, Петръ думалъ, при помощи милостынныхъ денегъ, завести при монастыряхъ пріюты, богадѣльни, школы, работные дома, прядильни, и тѣмъ уничтожить нищихъ и насадить всеобщее довольство. Хотѣли привести въ извѣстность монастырскіе доходы, чтобы, по разсчету ихъ, можно было видѣть, сколько нужно будетъ

употребить на монаховъ, и сколько можно будетъ удѣлить на содержаніе училищъ, а монастыри, надо замѣтить, имѣли тогда въ своемъ владѣніи до милліона душъ, кромѣ другихъ недвижимыхъ собственностей. О заведеніи школъ по монастырямъ думалъ еще царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ (Берхъ стр. 94). И вотъ заведены были монастырскіе пріюты; но монастыри, сбирая подаянія, «нищихъ, увѣчныхъ, инвалидныхъ принимать къ себѣ отказывались, *яко-бы за неимѣніемъ праздныхъ мѣстъ*; а потому эти несчастные, по утѣсненію отъ монастырскихъ властей, снова принуждены были бродить по міру» (См. *Русс. Вѣстн.* 1860 г. 4) Изъ женскихъ монастырей хотѣли сдѣлать мастерскія (шпингаузы) для женскихъ работъ, какъ-то: пряденья, шитья, тканья; выписаны были изъза границы (изъ Голландіи), знающія этотъ порядокъ дѣлъ монахини, были собраны мастерицы и изъ русскихъ. Въ 1722 г. сентября 7, прибыли въ Княгининъ успенскій монастырь мастерицы прядильнаго дѣла—Елена, Прасковья Козмины, и Авдотья Андрѣева, а съ ними присланы были и матеріалы: инструменты, гайки

и щетки, льну чесальнаго 12 золотниковъ, и сырцу 17 пудовъ. Въ продолженіе года выучили онѣ 12 монахинь: 6 прядилокъ и 6 чесальщицъ. (Арх. Кал. 1859, IV). Но и эти прядильныя мастерскія съ ихъ гайками и щетками пошли туда же, куда и пріюты, и отъ всѣхъ шпингаузовъ по монастырямъ остался одинъ только Spinnhäuschen въ Павловкѣ, да и тотъ увеселительный. Сѵнодскій указъ августа 14, 1731 года, говоритъ, что паки нищихъ умножилось, а паче при церквахъ и въ рядахъ, и, согласно доношенію полицеймейстерской канцеляріи, и указа сената 1731 г. мая 6, дѣлаетъ распоряженіе «о недопущеніи священникамъ и прочимъ церковникамъ оныхъ нищихъ просить при церквахъ милостыни, и о прилежномъ того смотрѣніи». Но вотъ у г. Снегирева находится извѣстіе (*Москов. Полиц. Вѣд.*), что указами 1731, августа 14, и 1758, мая 25, согласно съ древнимъ правомъ убѣжища (jus asyli) не велѣно было брать и выводить нищихъ изъ дома Божія. Такихъ указовъ въ полн. собр. зак. мы не нашли, а потому и не знаемъ, откуда это взялъ Снегиревъ, что въ концѣ про-

лаго вѣка вновь появилось древнее-русское jus asyli. Всѣ распоряженія о нищихъ, по прежнему, сопровождались рыканіями старовѣровъ. Чиновникъ Берхъ-Коллегіи Аврамовъ, сосланный за фанатизмъ въ Охотскій острогъ, снова явился въ 40 годахъ, снова вооружился протестами за древнюю Русь, и вотъ что онъ тогда предполагалъ сдѣлать. Паспортныхъ листовъ, говорилъ онъ, многочисленно напечатавъ, разослать ро всѣ епархіи ко архіереемъ и во все государство къ приходскимъ священникамъ. И егда, въ которомъ церковномъ приходѣ кто изъ дворовыхъ всякаго званія жителей объявитъ священнику желаніе свое къ постриженію, или ради Христа кто пожелаетъ странствовать и милостынею питаться — и таковыхъ въ постриженіе и на странствованіе желающихъ *обучать и наставлять по разуму закона Божія* и заповѣдей три мѣсяца, и потомъ отпускать въ таковой, Богомъ благословенный, спасающій божественный путь и всякаго, благодаря Бога, радостію безъ задержанія. Отъ всея святыя церкви о щедротахъ милостыни имѣются узаконенія, ученія и повелѣнія, а нигдѣ о переборахъ и раз-

борахъ, о бѣдныхъ нищихъ людяхъ, кто достоинъ милости, кто недостоинъ милостыни, кому давать милостыню, кому не давать милостыни, искони таковаго между православныхъ христіянъ закону и ученія нѣтъ и не бывало. А что приводитъ обученіе апостольское, и оное обученіе токмо принадлежитъ посполито на всѣхъ главнѣйшихъ, и среднихъ и меньшихъ человѣкъ, въ отвожденіе всѣхъ отъ человѣческой всякой лѣности, приводя въ общее всѣхъ житіе трудолюбное, всякому по своему званію. Ни мало же не принадлежитъ оное апостольское обученіе въ противность закону евангельскому о довольствѣ нищихъ — меньшихъ братьевъ Христовыхъ, наипаче же во оныхъ самого Христа для сущаго, наближайшаго всѣхъ насъ вѣчнаго спасенія». Этихъ убѣжденій Авраамова не могли поколебать ни ссылка, ни застѣнокъ; онъ снова говорилъ, и снова былъ судимъ, и снова терпѣлъ допросы и застѣнокъ. (Пекарскій. Современникъ 1860, X, V, 632). Опять идутъ указы о нищихъ, потомъ они прекращаются, но не прекращаются нищіе, потому что нисколько не двигается народное просвѣщеніе.

Вы слышали въ эпиграфѣ, что поетъ Иванъ Аксаковъ! Надъ новой Россіей паритъ еще древне-русскій противуисторическій, противуобщественный, враждебный народу духъ, потворствующій нищенству, и нищіе до сихъ поръ сохраняютъ свой старинный характеръ.

Послѣ 12 года, говоритъ Бочечкаровъ, Москва не вдругъ отстроилась заново, а долго еще оставались цѣлыя пустыри, на которыхъ жилья не было: тамъ-то, въ развалинахъ домовъ былъ притонъ всякому непутному народу, въ томъ числѣ и нищимъ. Мнѣ разказывали многіе Москвичи, что по ночамъ слышались изъ этихъ катакомбъ шумъ и гамъ страшные, доказывавшіе, что нищенствующія артели, которымъ не для чего было отправляться на ночной промыслъ мазуриковъ, отдыхали отъ трудовъ лицемѣрія и наглости за веселымъ пиршествомъ (Арх. Кал. III, V, 59). Многіе помнятъ еще, какъ недавно на мѣстѣ нынѣшнаго Петровскаго парка въ ямахъ, гдѣ рыли глину, жили нищіе, занимавшіеся самымъ безобразнымъ развратомъ. А Макаровъ свидѣтельствуетъ (Народ. преданія. М. 1840), что еще недавно не было той улицы,

гдѣ бы не стояли толпы нищихъ, что и теперь всякій можетъ провѣрить своими собственными глазами, обойдя въ воскресенье утромъ московскія церкви.

V.

Нищихъ ростилъ и воспитывалъ указанный нами древне-русскій обычай, съ виду такой благочестивый и патріархальный, а въ сущности безжалостный и вредный. Древняя же Русь нигдѣ такъ хорошо не сохранилась, какъ у купечества, а потому мы имѣемъ право смотрѣть на него, какъ на главнаго производителя нищихъ и нищенства. Это на первый разъ кажется страннымъ, но вглядитесь и дѣйствительно такъ. Нищихъ плодитъ обычай, вмѣсто оказанія какой либо помощи, подавать копѣечку. Копѣечная благотворительность обширна и ею поддерживается громадное число нищихъ, — этихъ несчастныхъ существъ, осужденныхъ вѣчно получать копѣечки, какъ ни велика была бы ихъ бѣдность, и какъ ни богатъ былъ бы человѣкъ, который имъ подаетъ. Съ дру-

гой стороны, обычай подавать всякому, кто ни попроситъ копѣечку, породилъ массу промышленниковъ, людей, у которыхъ нищенство есть вѣрный и доходный промыселъ,—и промыселъ этотъ такъ и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Чтобъ лучше ознакомиться съ этой стороной нищенства, войдемте въ московскій городъ, въ московскіе городскіе ряды, старинный притонъ нищихъ. Ряды биткомъ набиты нищими, которые съ ранняго утра до поздняго вечера снуютъ тамъ взадъ и впередъ, не давая ни прохода, ни покоя ни покупателямъ, ни торговцамъ. Это какая-то саранча, вылетающая ежедневно изъ разныхъ дальнихъ и ближнихъ закоулковъ столицы, и облипающая всякаго встрѣчнаго. Приступая къ подробному обзору ихъ, мы должны прежде всего отдѣлить настоящихъ нищихъ отъ воровъ и промышленниковъ. Истинные нищіе набираются изъ разныхъ людей, которые по старости и по болѣзнямъ и по другимъ причинамъ не могутъ работать. Таковы многіе старые солдаты, слѣпые, безрукіе, уродцы, люди дряхлой старости, дѣти—сироты и проч. Они блужда-

ютъ по церквамъ, по похоронамъ, по рядамъ, лавкамъ и магазинамъ,—блуждаютъ, потерявъ надежду приклонить когда-нибудь голову въ богадѣльнѣ или пріютѣ,—эта роскошь не для нихъ. Чтобы поступить въ богадѣльню и т. п. надо имѣть *случай*, потому что, хотя и много богадѣленъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, но право поступить туда дается не хромымъ, слѣпымъ, больнымъ, а *случайнымъ*. И вотъ случай часто падаетъ на молодыхъ, здоровыхъ. Многіе изъ нихъ, поступивъ въ богадѣльню, только считаются тамъ, а сами проживаютъ у знакомыхъ и родныхъ. Другіе, поступивъ туда, томятся отъ скуки и при первомъ случаѣ бѣгутъ вонъ, предпочитая нищенствовать. Иные же, хотя и живутъ въ богадѣльняхъ, но не перестаютъ собирать милостыню, употребляя собранное или на водку, или же на свое содержаніе въ богадѣльняхъ, которыя даютъ имъ только квартиру, да названіе *богадѣленной, богадѣленнаго*. Таковы всѣ богадѣльни на кладбищахъ. Всякаго покойника, привезеннаго на кладбище, сейчасъ облѣпятъ кучи старухъ и здоровыхъ бабъ, и тре-

буютъ подаяній. Дали мало,—ругаются. Богадѣльни, гдѣ они живутъ, приносятъ хорошій доходъ отъ отдачи внаймы комнатъ для похоронныхъ обѣдовъ богадѣльни эти часто каменныя, двухъ-этажныя, а богадѣленки все-таки представляютъ оборванную, босую, покрытую рубищемъ, жалкую толпу, умоляющую о подаяніи.... Отчего это? Неужели этого никто не видитъ? Неужели и въ этомъ находятъ что либо благочестивое? Неужели нѣтъ ни одного истинно благочестиваго человѣка, который бы вникъ въ дѣло, и далъ бы этимъ богадѣльнямъ порядочное устройство? А устроить ихъ можно было бы отлично, потому что доходы кладбищенскіе громадны: сюда идетъ и высокая плата за могилы, за каждую отъ сотни рублей и до 1 р. 50 к. сер.; сюда идутъ деньги за право поставить камень, за право поставить рѣшетку, за камни, за панихиды, поминки, упокойныя обѣдни, за отдачу внаемъ для похоронныхъ обѣдовъ богадѣленныхъ залъ, за скошеніе отличной травы по могиламъ, и на кладбищенскихъ земляхъ, за встрѣчу священниками богатыхъ покойниковъ,—о богатыхъ

же вкладахъ *на поминовеніе* и т. под. — мы умалчиваемъ.... Кому же все это идетъ, — не извѣстно!

Но слава Богу, если удастся кому либо попасть и въ кладбищенскую богадѣльню, — многіе лишены и этого счастія. Вообще въ богадѣльни попадаютъ только тѣ, за которыхъ просятъ богатые барыни, у кого родственница какая нибудь живетъ у богатой купчихи въ нянькахъ, за кого попроситъ батюшку какой нибудь прихожанинъ. Больше же всего орудуютъ здѣсь барыни, извѣстныя своей неспособностью къ чему либо дѣйствительно полезному. Вотъ потому-то истинные нищіе и блуждаютъ по улицамъ, а дармоѣды, способные работать, живутъ въ богадѣльняхъ. Такъ не очень давно въ одной изъ московскихъ богадѣленъ былъ случай, что призрѣваемая вышла замужъ за сторожа той богадѣльни, гдѣ ее призрѣвали, и на свадьбѣ у нихъ пили и плясали всю ночь пятьдесятъ человѣкъ.

И блуждаютъ по городу толпы истинно неимущихъ, неспособныхъ и непризрѣнныхъ, — цѣлая армія самыхъ разнообразныхъ бѣдняковъ,

и тутже съ ними подъ однимъ знаменемъ идутъ безконечныя толпы промышленниковъ. Тутъ идутъ бабы съ грудными дѣтьми и съ полѣнами вмѣсто дѣтей, идутъ погорѣлые, идутъ сбирающіе на некрута, идутъ *выписавшіеся изъ больницъ*, но наглѣе и нахальнѣе всѣхъ идутъ отставные чиновники и военные, красные отъ пьянства, въ рубищѣ, но часто съ орденомъ въ петличкѣ, или съ пряжкой.... Идутъ старухи, однѣ съ гробами, другія съ гробовыми крышками: онѣ сбираютъ *на похороны* (?), а за ними новыя старухи сбираютъ на приданое невѣстамъ. Тутъ идутъ мужики, просящіе на угнанную лошадь, идутъ солдаты, сбирающіе на разбитое стекло въ фонарѣ. Тутъ, растягиваясь въ безконечную черную вереницу, идутъ монахи и монахини, сбирающіе на построеніе обителей, мужики, бабы на построеніе церквей,—и всѣ они съ кружками, съ тарелками, съ книгами, завернутыми въ пелены и т. п. Тутъ же идутъ странники и странницы, сбирающіе на дорогу ко Гробу Господню, къ Соловецкимъ, къ Тихону Преподобному, и пр. и пр. Но вотъ, держась другъ за друга, бѣ-

гутъ мальчики и дѣвочки, бездомныя сироты, выросшія на чердакахъ, на улицахъ, въ подвалахъ, идутъ мальчики и дѣвочки отъ 5 и 6 лѣтъ и часто до 15 и 16. Вотъ этимъ-то, въ особенности, вы подайте по копѣечкѣ,—это, вѣдь, молодое поколѣніе, носящее въ себѣ сѣмена будущаго нищенства, подайте-жъ имъ по копѣечкѣ и поклонитесь, по обычаю благочестивыхъ людей: они послужатъ спасеніемъ вашимъ дѣтямъ, которые въ свою очередь ихъ дѣтямъ подадутъ по копѣечкѣ.... Въ этой массѣ нищихъ отстаивается вся наша грязь, невидная на поверхности жизни; здѣсь всѣ злые соки, таящіеся въ обществѣ, являются уже организующими элементами; здѣсь поэтому вырабатываются самыя представительныя личности, и сюда, наконецъ, собирается все, чему въ своекорыстномъ, тупенькомъ обществѣ не удалось найти ни цѣли, ни пути. Но независимо отъ общаго уровня жизни, Городскіе ряды представляютъ еще особый міръ, съ особенными людьми, съ особенными понятіями, и даже съ особенными нищими. Для *города* главное дѣло, главная забота — это

нищіе, въ нихъ все—и спасеніе и кара Божія, и безъ нихъ ничего. По этому изъ массы городскихъ нищихъ должны были выдвинуться впередъ такія личности, которыя были бы представителями нравственныхъ понятій города, которые раскрыли бы предъ нами задушевный міръ, словомъ, должны были возникнуть нищіе, писатели и художники, какъ выраженіе городскаго духа, и они возникли. И въ толпѣ нищихъ мы видимъ, вопервыхъ, *Ѳ. . . . Н. . . . Н . . .* московскаго мѣщанина, изобрѣтателя вѣчнаго движенія,—химика, производящаго изъ капустныхъ кочерыжекъ шампанское и сочинителя книжки изъ *трехъ* страницъ, съ своеобразнымъ заглавіемъ: «Изданіе Ѳ. Н. Н. . . . Изобрѣтателя разныхъ машинъ. М. 1861. Въ Тип. Сѣрикова». Что это за человѣкъ, что за исторія его паденія,—мы не знаемъ, да и страшно иногда бываетъ заглянуть въ такія исторіи. А, можетъ быть, эта исторія очень проста: сковырнулся немного человѣкъ, и не жди, чтобы поддерживала тебя жизнь, чтобъ ты нашелъ въ пей какую-либо опору,—а иди прямо въ нищіе. Зна-

емъ про Ѳ. . . . Н. . . . одно, что, блуждая по рядамъ, онъ доставляетъ собою великое развлеченіе нашему именитому купечеству. Купцы потѣшаются имъ, и за это кормятъ его, подавая ему копѣечку, или двѣ. Мальчикъ, сегодня поступившій въ лавку, завтра ужъ знаетъ Ѳ. . . Н. . . . нѣтъ никого въ городѣ, кто бы его не зналъ, кто-бъ не дразнилъ его какою-нибудь кличкою: бродяга, безпашпортный, проѣхавшій верхомъ на кобылѣ, и т. под. А одинъ изъ такихъ шутниковъ даже помѣстилъ объявленіе въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, что Ѳ. . . . Н. . . . отъѣзжая за границу, проситъ у фабрикантовъ порученій.... За Ѳ. . . . . Н. . . . тащится поэтъ—крестьянинъ *С.* . . . вѣчно пьяный и угощающій всѣхъ своими сочиненіями. За нимъ идетъ лице, называемое *Разсказъ Петровичъ;* онъ собираетъ Христа ради и разказываетъ при этомъ различныя притчи, поддѣлываясь, безъ сомнѣнія, подъ гостиннодворскій духъ. Любимымъ изреченіемъ его: «жизнь человѣческая — сказка, гробъ—коляска, ѣхать въ ней не тряско». За нимъ плетется старикъ, называемый *Тор-*

цовымъ. Забава надъ этимъ старикомъ состоитъ въ слѣдующемъ: онъ носитъ подъ мышкой палку, и эту палку у него постоянно отнимаютъ, а онъ ругается, повторяя одно слово до десяти разъ, и собравшаяся около него толпа довольна и смѣется. Далѣе *А.....* *И.....* *П.....* Онъ прежде былъ прикащикомъ въ одномъ изъ московскихъ рядовъ, потомъ, волею Бахуса, поступилъ въ хористы театра; спускаясь все ниже и ниже, онъ перешелъ въ пѣвческіе хоры, но и это оказалось ему неудобнымъ, и онъ сдѣлался утѣхой и забавой городскихъ рядовъ, гдѣ онъ за три копѣйки читаетъ изъ аскольдовой могилы, и т. п. Разъ онъ вздумалъ принять на себя образъ странника, думая, что молъ будетъ повыгоднѣе, но скоро оставилъ это, и теперь по прежнему служитъ рядскимъ трубадуромъ. Онъ лѣтъ сорока, здоровый мущина огромнаго роста, — его бы въ лейбъ-гвардію! Остатокъ матушки древней Руси, и потомъ стариннаго барства — держать у себя для потѣхи юродивыхъ и шутовъ, — сохранился между прочимъ въ городскихъ рядахъ, гдѣ каждый рядъ имѣетъ своего собственнаго шу-

та. Такъ Ѳ. . . . И. . . . . принадлежитъ Ножевой линіи, въ нижнемъ игольномъ ряду есть нѣкій *И.* . . . *С.* . . . въ серебряномъ же — *И.* . . . *К.* . . . . Къ нимъ должно отнести и здороваго мужика, пребывающаго въ гостинномъ дворѣ, гдѣ онъ за двѣ копѣйки лаетъ собакою, кричитъ пѣтухомъ, блеетъ, мычитъ и пр. И есть такіе аматеры собачьяго лая, которые приглашаютъ этого мужика къ себѣ на домъ, для услажденія супружницъ и домочадцевъ. Есть тутъ еще *слѣпой прикащикъ*, который, ходя по городу, кричитъ ему разными птичьими голосами. А то ходитъ тутъ еще какой-то идіотъ, кричащій павлиномъ. Изъ этого простаго перечисленія разныхъ лицъ вы уже можете замѣтить, что страсть купцовъ къ звѣринымъ голосамъ доходитъ до неистовства. Идетъ этотъ идіотъ, и кричатъ со всѣхъ сторонъ: «прокричи павлинчикомъ! прокричи павлинчикомъ»! Онъ кричитъ, и всѣ выходятъ изъ-за прилавковъ, и смѣются, и смѣются всѣ проходящіе. Получивъ нещастное подаяніе, идіотъ идетъ дальше. Вотъ остановился онъ и проситъ милостыни, а купецъ, подавая ко-

пѣйку, говоритъ ему на ухо: «прими Христа ради, да поди прокричи вонъ энтому надъ ухомъ павлинчикомъ». И тотъ, кому прокричали надъ ухомъ,—если случилось это подъ веселую руку, то также даетъ копѣечку, иначе же выругаетъ того, кто кричалъ, и того, кто научилъ. Но въ итогѣ всѣ довольны.

Но если одни нищіе способны возбудить только веселіе, то при приближеніи дрyхихъ веселье замѣняется страхомъ. Изъ множества такихъ субъектовъ, возбуждающихъ страхъ и ужасъ, извѣстнѣе всѣхъ мѣщанинъ С. . . . Это дѣтина лѣтъ тридцати пяти, въ байковомъ зеленомъ халатѣ и въ студентческой фуражкѣ, видомъ геркулесъ, и для его суточной выпивки—онъ пьетъ день и ночь—нужно никакъ не менѣе штофа. Упившись, онъ идетъ на Ильинку, становится среди улицы нарочно въ виду блюстителя благочинія, поднимаетъ кверху кулаки и начинаетъ пѣть: «яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего», и сей-часъ же переходитъ въ веселую: «я цыганъ удалецъ». Или разсказываетъ разныя притчи, приличныя городу, напр. «вотъ такъ были чудеса, сотво-

рены небеса, семь тысячъ лѣтъ стоятъ, а ничего не говорятъ». Приближается вечеръ, и С. . . . отправляется въ одинъ изъ городскихъ переулковъ, который глуше другихъ, караулить свои жертвы, и горе тому, который ему здѣсь попадется. Надъ неосторожной жертвой поднимается мощный кулакъ, и тутъ скорѣй уже давай и часы, и серебро, а мѣдными деньгами не отдѣлаешься: это не днемъ-ста! говоритъ С. . . . Но вотъ напираютъ новыя ряды нищихъ и каждый рядъ съ своимъ особеннымъ представителемъ. Вотъ *странникъ* ростомъ въ косую сажень въ скуфейкѣ и съ палкой, окованной на концѣ желѣзомъ. Онъ съ давнихъ поръ ежедневно обходитъ всѣ ряды и всѣ городскія кабаки,—такъ въ извѣстное время всѣ его и ждутъ. Вотъ прогнанный съ желѣзной дороги кондукторъ, въ картузѣ съ краснымъ околышкомъ,—онъ выдаетъ себя за капитана въ отставкѣ, и проситъ по этому слѣдующимъ образомъ: «капитану, отечества защитнику, на семи сраженіяхъ бывшему, побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ управляв-

шему, пожалуйте на штофъ постриженія, на косушку сооруженія».

Здѣсь идутъ рядами подъячіе, военные, блуждающіе по міру. Зараза эта, должно полагать, началась съ XVIII вѣка, и вотъ что говорилъ о нихъ неизвѣстный писатель въ началѣ нынѣшняго столѣтія: «еще классъ людей, требующій также вниманія, есть штабъ и оберъ-офицеры, исключенные изъ службы за дурное поведеніе, коихъ число также чрезвычайно умножается въ Москвѣ; ибо со всѣхъ сторонъ они стекаются въ оную. Хотя таковымъ комитетъ (разумѣется благотворительный), по дурному ихъ поведенію и по молодости лѣтъ, не даетъ никакой помощи, но участь ихъ также требуетъ вниманія, ибо таковыхъ ни въ казенную, ни въ партикулярную службу не принимаютъ; то они, будучи безъ всякаго состоянія и со всѣми пороками, должны спискивать себѣ пропитаніе ничѣмъ другимъ, какъ воровствомъ и грабительствомъ, въ чемъ они уже довольно искусны. Но когда общество ихъ умножится, то должно будетъ ожидать гораздо худшихъ послѣдствій: развращеніе свое они при-

мѣтнымъ образомъ поселяютъ въ вступающихъ службу молодыхъ людяхъ, въ молодыхъ купеческихъ дѣтяхъ и господскихъ людяхъ (Чт. О. И. и Др. 1861. II. V. 176). Не станемъ говорить здѣсь, насколько сбылись всѣ эти сбывшіяся ожиданія, и обратимся къ самой дѣйствительности. Вотъ ходитъ поручикъ въ форменной фуражкѣ, въ сѣромъ пальто, съ лентой въ петлицѣ, рожа красная. Небрежно подходитъ онъ и говоритъ: дане муа марщандъ двѣ копѣйки серебромъ. И скорѣй ему даютъ, чтобъ только Богъ его пронесъ. За нимъ идетъ извѣстный Н. . . . . П. . . . . котораго почему-то называютъ Н. . . . Н. . . . . Онъ гдѣ-то служилъ, но морозомъ хватило, и онъ былъ удаленъ за какіе-то неблаговидные поступки, и началъ стоять у *Воскресенскихъ воротъ*, въ этомъ старинномъ пріютѣ и разсадникѣ крапивнаго и всякаго другаго мерзкаго зелія. До конца XVIII в. между *Воскресенскими воротами* и нынѣшними желѣзными рядами текла грязная и вонючая рѣчка Неглинная, черезъ нея былъ устроенъ длинный деревянный мостъ. На этомъ мосту были подѣланы

лавочки и печуры, гдѣ торговали разнымъ товаромъ, и тутъ-же собирались разные нищіе, о которыхъ мы выше говорили. Здѣсь пѣвцы пѣли Лазаря, сюда божедомы вывозили съ убогихъ домовъ гніющія мертвыя тѣла для сбора на ихъ погребеніе и для отысканія родныхъ и знакомыхъ, и здѣсь же, вѣроятно, старинные подъячіе собирали милостыню. Многіе помнятъ еще, какъ гораздо позднѣе, у Воскресенскихъ воротъ, въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ свѣчныя лавки, былъ винный погребъ въ мрачномъ и длинномъ подвалѣ, гдѣ рѣшались всевозможныя дѣла, платились деньги, писались просьбы и т. под. Въ погребѣ и около дверей его цѣлый день толпились подъячіе. По уничтоженіи погреба, подъячіе размѣстились отъ Воскресенскихъ воротъ до Казанской, отчего и получили, оставшееся до сихъ поръ за ними, названіе *отъ казанской*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ и отсюда прогнали, ихъ мѣсто заняли торговцы, а они перешли къ трактирамъ, что противъ присутственныхъ мѣстъ, къ *маленькому Московскому* и *Егорову*. Здѣсь ежедневно въ десять часовъ утра соби-

раются они, выстраиваются въ рядъ по тротуару, совершаютъ разныя дѣла на улицѣ, въ трактирахъ и въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потомъ расходятся, кто на собираніе милостыни, кто куда. — Но возвратимся къ Н. . . . И. . . . Онъ не причисляетъ себя къ нищимъ и не проситъ, а подойдя, говоритъ: «милка, душка, не откажите *благородному человѣку*.»

Всѣ эти существа проходили предъ нами по одиночкѣ, по одному за разъ, и это еще было сносно и купцамъ, платившимъ каждому по одной копѣйкѣ, и проходящимъ, которыя кое-какъ еще могли пролѣзть. Но вотъ несется цѣлая тройка: майоръ, капитанъ и корнетъ. Съ утра они обходятъ всѣ трактиры, потомъ берутъ другъ друга подъ ручку и пускаются по городскимъ рядамъ, зная, что имъ троимъ отказу не будетъ. Но если и нашелся бы такой, который бы имъ отказалъ, то вопервыхъ они хоромъ пропоютъ ему *вѣчную память*, а потомъ осрамятъ такъ, что онъ хоть въ лавку не ходи. На святкахъ они ходили съ ёлкой, убранной цвѣтной бумагой, и самый рослый

изъ нихъ пѣлъ басомъ: я маленькій хлопчикъ и пр. Надѣлавъ всевозможныхъ безчинствъ, они набираютъ кучу денегъ и расходятся по домамъ, чтобъ остальное время дня и ночи провести истинно побарски, и на утро повторяется старая исторія.

За ними съ привычной важностью выступаетъ отставной блюститель порядка, въ огромной папахѣ, выдающій себя за кавказскаго полковника и не принимающій иначе, какъ серебромъ. Дальше—офицеръ съ ленточкой въ петлицѣ и кулакомъ на отвѣсѣ, имѣющій, какъ онъ говоритъ, шестнадцать ранъ и вѣчно подбитые глаза.

За этими людьми плоти идутъ люди духа. Впереди всѣхъ идетъ разстриженный дьяконъ, съ отекшимъ лицомъ, и проситъ онъ басомъ: «бывшему московскому дьякону для обогрѣнія плоти и подкрѣпленія духа».—А за что уволили тебя? спрашиваютъ. «За чрезмѣрное осушеніе стеклянной посуды».—За нимъ служка, лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь. Онъ четыре года ужъ все сбирается, чтобъ идти на Аѳонъ.

Перемѣнилось дѣйствіе, и являются женщи-

ны всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ. Идутъ безобразнѣйшія старухи, сбирающіе на приданое невѣстамъ, а за ними идутъ самыя невѣсты, мѣняющіяся каждую недѣлю, а то на недѣлѣ два раза. Здѣсь хуже всего то, что кромѣ взрослыхъ дѣвушекъ, старухи водятъ съ собою дѣвочекъ, которыя скоро дѣлаются жертвами разврата. Такъ напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ходила хорошенькая нищенка Феклуша, которая съ помощію старухъ скоро сдѣлалась извѣстной городской камеліей. Недавно ходила по рядамъ хорошенькая дѣвочка Катя, продававшая на лоточкѣ пряники и бывшая вѣчной мишенью плоскихъ и грубыхъ шутокъ рядской молодежи, но потомъ вдругъ она куда-то пропала. А то два года назадъ тамъ ходила сирота дѣвочка, продававшая дешевый хрусталь, но потомъ она очутилась въ одномъ изъ общественныхъ домовъ.

Но вотъ валятъ кучами отъ двухъ до пяти человѣкъ и болѣе, держась другъ за друга, бранясь между собою или тыкая другъ друга въ бока, мальчики и молоденькія дѣвочки, просящіе Христа ради со всевозможными причитані-

ями.... Мы ни слова не скажемъ о нихъ, чтобы не вызвать по поводу нихъ какого-нибудь просвѣщеннаго мнѣнія, какой-нибудь благодѣтельной мѣры, которыя нанесли бы новое оскорбленіе этому несчастному племени,—пусть, прося именемъ Христа, выростаютъ они на бѣду просвѣщенному и благочестивому обществу!...

Идутъ барыни. Въ древней Руси ходили по улицамъ боярскіе дѣти и просили у прохожихъ на вышивку, но барыни и чиновницы—нищія, кажется, явились только съ половины прошлаго вѣка. Одною изъ главныхъ причинъ этому было уничтоженіе права кормиться, какъ хочешь, которое предоставлялось старинымъ чиновникамъ. Кормленіе было уничтожено и чиновникъ долженъ былъ получать плату за работу, и вотъ на бумагѣ онъ сталъ получать плату, пр. по 50 к. сер., въ мѣсяцъ, какъ получаютъ до этой минуты многіе чиновники 2-й Моск. Гражданской Палаты, а въ сущности остался кормленщикомъ, за что его выгоняли изъ службы, и чиновницы стали ходить по міру. Вотъ что говорили о нихъ въ прошломъ вѣкѣ: «теперь многія офицерскія жены

съ 12-ти и 14-лѣт. дочерьми своими, которыхъ не соглашаются (?) отдать ни въ какое ученіе, присоединяются къ нищимъ» (Чт. О. И. и Др. 1861. 11. 177). Проходитъ почти сто лѣтъ, и другое лицо въ 1849 доноситъ правительству слѣдующее: «масса, отъ титулярныхъ совѣтницъ до губернскихъ секретаршей, нисколько не отличается отъ солдатокъ и мѣщанокъ, тѣмъ болѣе, что мужья были на службѣ, и жены, можетъ быть, и до замужества жили въ коморкахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя теперь служатъ имъ печальными пріютами на старости. Онѣ только возвратились въ первобытное состояніе, большею частію вовсе не знаютъ грамоты. При этомъ полномъ недостаткѣ всякаго нравственнаго образованія (?), къ коему еще присоединяется и свычка съ грукою нищетою (шая уже 30 лѣтъ, какъ титулярная совѣтница по одному лишь имени), онѣ, повторяю, нисколько не отличаются ни по потребностямъ своимъ, ни по своему званію, ни по занятіямъ отъ прочихъ.... нищихъ (Чт. О. И. и Др. 1861. 1. V. 225). И вотъ ходитъ по городу титулярная совѣтница соби-

рающая на бѣдность, а за ней ходитъ барыня, которую дразнятъ, что она курицу украла, потомъ—дама, лѣтъ пять собирающая на выѣздъ съ больнымъ мужемъ въ Пензенскую губернію, и еще дама, лѣтъ 25-ти. Эта собираетъ для прокормленія своихъ сиротъ, которымъ она единственная опора, или, одѣвшись въ черное, она проситъ на похороны своей *ламаши*; а то она разъ явилась вся въ лохмотьяхъ и разсказывала, что ее обокрали, и что у ней ничего краше нѣтъ, какъ только то, что на ней.

За барынями бѣгутъ просто бабы. Тутъ ежедневно увидите пьяную бабу, которую и въ часть уже не берутъ, и еще бабенку лѣтъ 30, собирающую *по болѣзни*, и очень пріятную рядскимъ ребятамъ, которые съ ней заигрываютъ. Разъ эту больную хотѣли взять въ Юсуповъ домъ, но два будочника и кавалеръ, какъ ни бились, никакъ не могли сладить съ ней, такъ и отступились.

Появляется фаланга нищихъ торговцевъ всѣхъ націй, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ званій. Несноснѣе же всего, безобразнѣе, тупѣе,—это порожденіе Риги и Ревеля и т. п. приморскихъ

городовъ, толпы нѣмецкихъ нищихъ, приманенныхъ въ Москву русской щедрой милостыней. Вы увидите тутъ и съ корзиночками, и съ метелочками, и со стеклянными фигурками, и съ статуетками, и душатъ они васъ своими нѣмецкими причитаніями. Нѣмцы и тутъ впереди, а глупые русскіе торговцы оттиснуты уже на задній планъ. Изъ этихъ виднѣе всѣхъ бабы, кричащіе пронзительнымъ голосомъ: ниточикъ ниточикъ! при чемъ съ визгомъ ударяется на букву *и*. Далѣе кричатъ: шнурочковъ! чулочковъ! а между тѣмъ каждая изъ этихъ торговокъ только и глядитъ, гдѣ бы ей что стащить, или у кого что нибудь вытащить. Замѣтимъ изъ нихъ одного 70-лѣтняго криваго старика. Онъ въ одно и тоже время промышляетъ нѣсколькими способами: продаетъ свѣтильни съ лампадками, сбираетъ мылостыню и потомъ для ради удовольствія разсказываетъ сказки, пляшетъ и поетъ. Къ числу этихъ нищихъ-промышленниковъ едва ли не слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ сбирающихъ на построеніе церквей. Ихъ вы встрѣтите вездѣ, и въ городѣ, и на рынкахъ, на базарахъ, въ

вагонахъ желѣзной дороги, у церквей, у соборовъ, и особенно у Иверской. Не желая безпокоить читателя собственными наблюденіями надъ этими людьми, мы укажемъ на свидѣтельство о нихъ одного лица, писавшаго въ 1829 году, по порученію г. министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдующее: одинъ изъ источниковъ происхожденія нищихъ—мірскихъ подаяній, на бѣдныхъ ли, на сооруженіе ли храмовъ, по подпискамъ, или по книгамъ, выдаваемымъ отъ духовнаго начальства. Переходъ съ таковыми книгами изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе монаховъ, монахинь, церковно-служителей и крестьянъ не уменьшаетъ, но увеличиваетъ сословіе нищихъ и праздношатающихся; при томъ, едва ли изъ собранныхъ такимъ образомъ денегъ половина достигаетъ своего назначенія (Чт. О. И. др. 1860, III. V. 205). Таковы-то городскіе нищіе, но здѣсь далеко не всѣ еще московскіе нищіе. Городскихъ нищихъ, по приблизительному разсчету, должно положить до 10,000 человѣкъ. Кромѣ ихъ есть множество нищихъ, разсыпанныхъ по всѣмъ частямъ города, стоящихъ у трактировъ, у по-

гребовъ, у бань, на площадяхъ, на кладбищахъ, и особенно по церквамъ. Во всѣхъ многочисленныхъ московскихъ церквахъ каждый разъ къ концу обѣдни нищіе начинаютъ выстраиваться у дверей въ два ряда. Ряды начинаются въ самой церкви, идутъ черезъ паперть, а въ богатыхъ церквахъ, напримѣръ въ Рогожской, ряды выходятъ даже на улицу. Православные христіане проходятъ, подаютъ по копѣечкѣ и крестятся. Такихъ разсѣянныхъ по разнымъ частямъ нищихъ наберется до 30,000 человѣкъ, всего слѣдовательно можно положить до 40,000 челов. *). Полагая за тѣмъ, что каждый нищій круглымъ числомъ набираетъ ежедневно по-крайней мѣрѣ 25 к. сер., слѣдовательно всѣ они въ день собираютъ 10,000 руб., въ мѣсяцъ 300,000 р. въ годъ 3,600,000 р. Такая сумма собирается въ одной Москвѣ!

Три части этой суммы идутъ въ вѣдомство московскаго откупа, отчего такъ и богаты московскіе откупщики, а четвертая часть употребляется на квартиру и пищу. Такимъ обра-

*) Въ Полиціи когда-то считалось ихъ до 34000 челов. См. Чт. О. И. и др. 1861, 11. V. 189.

зомъ милліоны, раздаваемыя на милостыню, только и дѣлаютъ, что плодятъ нищихъ. За тѣмъ нищихъ плодятъ всеобщая дороговизна и отсутствіе въ жизни всякихъ соціальныхъ отношеній, какъ артели, общины и т. п. Плодитъ нищихъ крайняя безнравственность городовъ, гдѣ для бѣднаго народа нѣтъ всего того, что способно двигать человѣка впередъ, ни воспитательныхъ заведеній для бѣдности, ходящей по улицамъ, ни мастерскихъ для обученія мастерствамъ, ни всего того, наконецъ, что могло бы дать человѣку нравственную силу для борьбы съ нуждою. Вмѣсто всего этого развратъ, съ каждымъ днемъ принимающій большія размѣры. Не мѣсто здѣсь указывать на подробности, да и не за чѣмъ: глухому, что ни говори, онъ ничего не услышитъ, потому что глухъ. Довольно того, что нищета приводитъ къ развратy; развратъ долженъ привести къ нищетѣ простой классъ (Чт. О. И. и др. 1861. 1. V. 228). Важно то, что нищихъ съ каждымъ днемъ дѣлается все больше и больше, а на нихъ, не смотря ни на какіе законы и предписанія, никто не обращаетъ

вниманія. Вотъ, напримѣръ, каждый день выходитъ откуда-то и садится возлѣ университета, подъ часами, убогая дѣвушка, и сидитъ на льду и на грязи, и раскачиваясь проситъ милостыни. Неужели для нея нѣтъ другаго мѣста? Вотъ лѣтомъ по всѣмъ рѣшительно бульварамъ сидятъ, качаясь туловищемъ впередъ и назадъ, безногіе, безрукіе, нѣмые, показывающіе на ногахъ раны. Ко всѣмъ этимъ существамъ присоединяются нѣмецкіе шарманщики, нѣмки пѣсенницы, и пр. и пр. И нищимъ нѣтъ конца!

Если мы оставимъ печальную дѣйствительность и загляднемъ въ будущее, то и тамъ, всматриваясь, мало найдемъ утѣшительнаго, такъ лучше опустимъ же завѣсу.... и пойдемъ далѣе.

Говоря о нищихъ, мы имѣли въ виду преимущественно Москву. Тоже самое встрѣчается и въ другихъ городахъ, особенно большихъ, или обильныхъ святынею, какъ Кіевъ и Воронежъ, Петербургъ и Нижній-Новгородъ, и т. под. Отъ городовъ не отстаютъ и деревни. Каждый благочестивый Москвичъ, отслушавъ вечерню въ Хатьковѣ, и, отправляясь въ Троицкую Лавру, навѣрно встрѣчалъ по до-

рогѣ между этими двумя богатыми монастырями, цѣлыя нищенствующія деревни и толпы ребятишекъ, бѣгущихъ за экипажемъ версту или двѣ, и благочестивая рука богомольца навѣрно высовывалась изъ кареты и бросала копѣйку, или двѣ. Положеніе сельскихъ нищихъ извѣстно. Это дѣйствительно самые бѣдные люди, преимущественно матери съ сиротами дѣтьми; сельскій *міръ* можетъ имъ дать только кусокъ хлѣба, мы же, общество, не можетъ подать имъ даже и куска хлѣба. Но такова ли должна быть деревня, особенно Русская, съ ея общиннымъ бытомъ, съ честнымъ и добрымъ характеромъ Русскаго мужика? Нѣкоторые, можетъ быть, подумаютъ, что всякая деревня есть ничто иное, какъ собраніе всего деревенскаго, т. е. всего, что грубо и жалко, бѣдно и нищо, то укажемъ по этому на деревню въ просвѣщенномъ государствѣ, напримѣръ въ Германіи, и вообще на тамошнее *нищенство*. «Проѣзжая по Даніи, говоритъ одинъ путешественникъ, замѣчаете вездѣ довольство, благоустроенное хозяйство, чистые, порядочные дома во всѣхъ деревняхъ, хорошо

воздѣланную землю, народъ здоровый и веселый, хотя не рослый и не красивый. Своимъ благосостояніемъ Данія обязана не столько плодородію почвы и климату, сколько преобразованіямъ правительства....»

Нечего также удивляться, прибавляетъ другой, «что мы по этому не встрѣтимъ въ Датской литературѣ того мрачнаго, полнаго злобы ропота нищеты, который составляетъ содержаніе многихъ литературныхъ произведеній другихъ странъ. *Нищенство въ Даніи запрещено*»....

«Страннымъ можетъ показаться это выраженіе, которое напоминаетъ дѣйствительно, что и у насъ въ нѣкоторыхъ городахъ запрещаютъ нищенство.... Но въ Даніи это не начальственное распоряженіе. Тамъ принимаетъ въ этомъ живѣйшее участіе само общество. Почти три процента народонаселенія получаютъ пособіе отъ частной благотворительности. На приходскія общины возлагается обязанность помогать нуждающимся, доставлять работу способнымъ къ работамъ, и проч. Въ городахъ есть пріюты и богадѣльни. Есть пріютъ

на день, куда можно приходить съ ручной работой на цѣлый день. Города и деревни проценты съ своихъ капиталовъ всегда употребляютъ на бѣдныхъ. Взносъ на бѣдныхъ весьма разнообразенъ, потому что въ разныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, количество его опредѣляетъ само общество».... *) Но все это заморскіе новости, намъ ненужныя, — мы проживемъ и съ копѣечной милостыней!

Копѣечная милостыня гибельна, какъ для нищихъ, такъ и для тѣхъ, кто ее подаетъ. Рѣдко человѣческое достоинство унижается до такой степени, чтобъ хладнокровно протягивалась рука за милостынею, чтобъ выпрашивая подаяніе, человѣкъ не чувствовалъ мучительной боли униженія. Но какова же эта боль, когда нищій видитъ, что богачъ вмѣсто оказанія помощи подаетъ копѣечку. Но мало помалу вѣчное моленіе, вѣчное выпрашиваніе, вѣчное поклоненіе обращаются въ привычку, и на-

*) Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Москва. 1862. Вып. 2, стр. 159. Рекомендуемъ эту книгу всѣмъ, любящимъ хорошее чтеніе, въ особенности юному поколѣнію обоего пола.

конецъ человѣкъ падаетъ окончательно. Въ тоже самое время, милостыня не меньше унижаетъ и самаго подающаго ее,—она, какъ крѣпостное право, есть мечъ обоюду острый. А потому, если человѣкъ легко можетъ оподлѣть въ нищенствѣ, то еще легче подлѣютъ люди среди ежедневной милостыни. Таковъ законъ природы, что всякое насиліе надъ человѣкомъ отплачивается на виновникахъ сторицею. Мы имѣемъ въ Москвѣ нѣсколько такихъ милостынераздавателей, въ которыхъ древне-русскія понятія о милостыни и милосердіи истребили всякое человѣческое достоинство.

Вотъ одинъ извѣстный купецъ ежедневно собираетъ около своего анбара толпы нищихъ и дѣлитъ имъ милостыню слѣдующимъ образомъ: купецъ этотъ очень боится смерти, и вотъ когда онъ здоровъ, онъ одѣляетъ нищихъ по копѣечкѣ на двоихъ, а чуть лишь почувствовалъ себя нездоровымъ, или увидалъ какое-нибудь предвѣщаніе, напр. ночью собака выла, тогда нищіе получаютъ усиленную подачу, по двѣ копѣйки на двоихъ. Всѣ это знаютъ, а потому, безъ всякаго сомнѣнія, нищіе

молятъ Бога, чтобъ этотъ купецъ почаще слышалъ собачій вой, видѣлъ страшные сны и т. п. Есть богачъ-старовѣръ, тоже милостыни-раздаватель. Этотъ подаетъ однимъ женщинамъ, а мущинамъ только тѣмъ, у кого небритая борода. Подходитъ къ нему больной солдатъ и проситъ милостыни, а этотъ отвѣчаетъ ему: поди прежде бороду отрости, а потомъ приходи. А когда случится ему подать солдату съ отрощеной бородой, то онъ непремѣнно прибавитъ: *воинъ, прими Хрита ради!* Отъ остальныхъ же нищихъ требуетъ, чтобъ они, прося у него, говорили: *подайте, батюшка, Христа ради*, онъ имъ подастъ и прибавитъ: *прими Христа ради.* И этотъ-то несчастный убѣжденъ, что онъ исполняетъ слово Христово во всей чистотѣ! Есть еще въ Москвѣ купецъ, вѣчно окруженный нищими, ханжами и юродивыми. У него страсть уговаривать людей идти въ монастырь, или жениться. Спился у него прикащикъ, и онъ начинаетъ его уговаривать, чтобъ онъ женился, отыскиваетъ ему дѣвушку сиротку, женитъ, и такихъ дѣвушекъ, — жертвъ дикой филантропіи, выданныхъ замужъ,

а потомъ пропитыхъ, замученныхъ и преждевременно сведенныхъ въ могилу, считаютъ сотнями. Ни одна ханжа, ни одинъ странный не минуетъ этого купца. Вотъ соберетъ онъ ихъ, насажаетъ къ себѣ въ экипажъ и разъѣзжаетъ съ ними по своимъ знакомымъ для сбора имъ подаяній.

Вотъ княгиня. Она когда-то принадлежала къ знаменитѣйшимъ въ Россіи фамиліямъ, блистала богатствомъ и связями, а теперь доживаетъ свой вѣкъ въ связяхъ съ ханжами, среди которыхъ выростаютъ такъ называемыя воспитанницы княгини. Тутъ вы встрѣтите приживалку, полуидіота, полунищаго господина, на столько же однако умнаго, что онъ разъ укралъ у вора краденую борзую собаку. Сестра этого господина, также идіотка. Тутъ вы встрѣтите попову дочь, и барскую барыню, и чиновницу, и дворянку, тутъ жилъ, напримѣръ, долгое время попъ растрига съ цѣлымъ семействомъ. И домъ княгини, гдѣ до сорока комнатъ, гдѣ живутъ, по видимому, только двѣ старухи, княгиня да княжна,—этотъ домъ, отъ массы приживалокъ, оказывается тѣснымъ для житья.

Каждое воскресенье,—такъ ужъ заведено,—у крыльца княгини раздаютъ нищимъ, по копѣйкѣ, три рубля серебромъ, и ко времени этой раздачи собираются изъ всей окрестности, изъ всѣхъ закоулковъ толпы нищихъ; въ ожиданіи раздачи, они дерутся и ругаются и, получивъ каждый по копѣйкѣ, расходятся по сосѣднимъ домамъ воровать. Такъ это ужъ знаютъ всѣ обыватели, и, лѣтомъ особенно, стараются къ этому времени закрывать окна и припирать двери. Въ домѣ княгини своя церковь, и если княгиня переѣзжаетъ на другую квартиру, то за ней перевозятъ и церковь. Каждую недѣлю у ней бываетъ три обѣдни, и говѣетъ она каждый постъ два раза. Разныя барскія барыни, жирныя и здоровенныя, получаютъ отъ княгини ежемѣсячное вспоможеніе отъ рубля до пяти. Вотъ въ день имянинъ княгини и княжны толпы этихъ барынь и ханжей начали собираться съ ранняго утра. Каждая такая барыня приходитъ поздравить непремѣнно съ просвиркой въ рукѣ, и въ это утро темно еще было на дворѣ, не было еще и пяти часовъ, а у просвирни ужъ стучались за просви-

рами для княгини. Сколько нынѣшній годъ написано было княгинѣ просвиръ, неизвѣстно еще, а въ прошломъ году лакеи считали, было до четырехъ сотъ пятидесяти просвиръ.... У княгини было огромное состояніе, а теперь почти ничего не остается: все пошло на ханжей, да на такъ называемыя дѣла благочестія. На ханжество потреблялось все, что ни привозилось изъ княжескихъ вотчинъ нищими мужиками, заложенными и перезаложенными.

Не будемъ здѣсь говорить и о тѣхъ наружно-благочестивыхъ людяхъ, которые тратятъ по сотнямъ тысячъ на построеніе монастырей и т. под. Такъ одинъ богатый торговый домъ истратилъ на построеніе монастыря до 500,000 р. сер., а, за тѣмъ обанкрутившись, тысячи бѣдныхъ людей пустилъ по міру. Въ эту минуту въ Москвѣ двѣ купчихи строятъ два монастыря, одинъ вновь, и на каждый назначили сотни тысячъ серебромъ. Есть еще замоскворѣцкая богатая купчиха, построившая нѣсколько монастырей. Она, говорятъ, юродивому Филипушкѣ выдала въ самое непродолжительное время до 50,000 р. сер. И какихъ только нѣтъ благо-

творителей на Русской землѣ? Есть, напримѣръ, въ городѣ чайный торговецъ, извѣстный подъ именемъ *милъйшаго*. Онъ подаетъ нищимъ только тогда, когда въ лавкѣ у него есть покупатели. Другой купецъ подаетъ нищимъ все то, что нужно вывалить и выкинуть вонъ, напримѣръ, испорченные огурцы, капусту, тухлую рыбу и т. п. А то есть барыня, которая подаетъ нищимъ худые башмаки, распредѣляя пару башмаковъ на *трехъ* нищихъ, на томъ основаніи, что дѣлая такъ, все-таки она подаетъ *не одному, а троимъ*. Есть и еще одна барыня. Сидитъ она лѣтомъ на террасѣ своей богатой дачи, идетъ нищій и проситъ у ней милостыни. Барыня никогда не отказываетъ нищему. Она подзоветъ его къ себѣ, распроситъ всю его жизнь, справится—пьетъ онъ водку или нѣтъ, прочтетъ ему поученіе, какъ надо въ мірѣ жить, и потомъ прикажетъ дѣвкѣ принести поминанье. Надѣнетъ она очки, возметъ поминанье и читаетъ, а нищему велитъ повторять за ней имена о здравіи и за упокой, и класть поклоны. Долго читаетъ она, потому что поминанье биткомъ набито именами, да и

читаетъ-то она со всей важностью, приличною ея сану, и нищій, надѣясь на выручку, терпѣливо отвѣшиваетъ земные поклоны, возбуждая удивленіе всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ. По окончаніи этого чтенія, у нищаго рубашка мокра, и онъ ожидаетъ двугривеннаго, но барыня снова зоветъ дѣвку, приказываетъ ей подать двѣ пустыя бутылки, и, отдавая ихъ нищему, говоритъ: спасибо, милой, что усердно молился,—и вотъ тебѣ за это двѣ бутылки; продай ихъ въ лавочку,—тамъ тебѣ дадутъ за нихъ три копѣйки серебромъ; денегъ же теперь нѣтъ, а приди въ другой разъ. Нѣкоторые нищіе до того бываютъ поражены такимъ даяніемъ, что у нихъ рука не поднимается взять бутылки. «Нѣтъ, ужъ, барыня, пускай уже лучше за тобой будетъ», говорятъ они, и барыня, услышавъ это, нисколько не обижается.—Ну, хорошо, миленькой, отвѣчаетъ она, прощай.

Таковъ, читатель, духъ, живущій въ древнерусскомъ обычаѣ подавать милостыню. Предъ нами теперь лежитъ прошедшая исторія русскаго нищенства, и мы знаемъ, что всякая по-

мощь нищимъ, если не имѣетъ соціальнаго, братскаго характера, — она только плодитъ нищихъ и съ нищими унижаетъ все общество и производитъ самыя уродливыя явленія въ жизни. Съ одной стороны нищіе плодятъ нищихъ, а съ другой постоянно встрѣчаются нищіе капиталисты, имѣющіе иногда у себя до 200,000 р. денегъ. Такъ, напримѣръ, одинъ женился въ Петербургѣ на нищенкѣ съ Митрофановскаго кладбища, и взялъ за ней приданаго на 20,000 р. (Оберг. лист. 1860. 45). Нищенство вошло мало по малу въ нашу жизнь и продолжаетъ входить дальше и дальше, и стыдится нищенствовать только одинъ честный русскій мужикъ, да и то въ Украйнѣ. Въ городахъ, напротивъ, видимъ мы, что многія дѣти, собирающіе милостыню, совсѣмъ не дѣти нищихъ, но отцы посылаютъ, чтобъ они не болтались дома: не сидѣть же ребятамъ, сложа руки, говорятъ они; авось что нибудь и выпроситъ Христовымъ именемъ, — для дома все-таки пригодится.

Толкуютъ, что Россія очень похожа на Америку, что ту и другую ожидаетъ новая жизнь,

неизвѣстная старому міру. Но на плечахъ Америки не лежитъ ни древней Руси, ни даже старой Европы, и дѣйствительно тамъ должна развиться новая цивилизація. Не то у насъ. У насъ темно и мрачно, тупо, безобразно. Мы считаемся просвѣщенными, наши барышни учатся по французки и на фортопіянахъ, но вотъ Шамиль, неимѣющій никакого понятія о милостыни, а имѣющій одно сердце, способное къ благотворенію, онъ дикарь, и все-таки никакъ не можетъ понять, чтобъ человѣку можно было подать копѣйку, и подаетъ нищему по десяти рублей серебромъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

VI.

На нищихъ до сихъ поръ смотрятъ одни, какъ на *предметъ самъ по себѣ незначительный*; другіе, какъ на лицъ, *прикосновенныхъ къ вѣрѣ христіанской* (Снег. М. Полиц. Вѣд.); третьи же видятъ въ нихъ русскій народный элементъ.

Г. Снегиревъ, въ 1844 году писалъ: «въ сердцѣ Россіи, въ древней ея столицѣ, гдѣ слилось столько элементовъ русской народности, къ коей, безъ сомнѣнія, принадлежатъ и нищіе» (Литер. Вечеръ, стр. 18). Прошло болѣе десятка лѣтъ и тотъ-же г. Снегиревъ снова повторяетъ: «нищенство вступаетъ въ неразрывную связь съ религіозною и народною жизнію русскаго человѣка (Моск. нищіе въ XVII вѣкѣ, Моск. Пол. Вѣд.).

За безумцевъ сочли бы насъ, еслибъ мы вздумали доказывать г. Снегиреву съ братіею, что нищенство—совсѣмъ не элементъ русскаго народа. Читатель видѣлъ, откуда выходили нищіе, что̀ плодило ихъ, какое начало ихъ поддерживало. Но мало было этому началу сдѣлать изъ свѣжей и просторной русской земли мрачное логовище нищихъ: ему, видите, нужно еще было доказать, что нищенство есть народный элементъ, т. е., сдѣлавъ народу зло, на его же шею сложить свою вину, благо народная шея крѣпка — все несетъ. Мы, въ отвѣтъ г. Снегиреву, постараемся указать только на то, какъ русскій народъ понимаетъ нищихъ. Какъ и во всей нашей статьѣ, такъ и теперь, пусть за насъ говорятъ одни памятники.

Извѣстно, что нашъ добрый народъ готовъ подѣлиться съ нищимъ послѣдней крохою. Но ни врожденная народу доброта, ничто не удерживаетъ нашъ народъ отъ вражды къ попрошайству, къ нищенству. Нищихъ вездѣ гонятъ, или кроткимъ образомъ, какъ напримѣръ: «Богъ подастъ»! или же: «ступай, ступай отсе-

лева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь»! «Проваливай! говоритъ баба нищему, мнѣ не нужно твоей болтовни и ты ничего не получишь»! Тоже говоритъ и мужикъ: «что слоняетесь-то по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете»! Привелъ парень на свѣтлой недѣли къ себѣ въ домъ *срамнаго нищаго*, чтобъ разговѣться съ нимъ. Какъ только мать этого парня увидѣла нищаго, больно осерчала: «лучше говоритъ, со псомъ разговѣться, чѣмъ съ такимъ срамнымъ старикомъ». Пастыри Церкви, мы видѣли, часто жаловались на *холодность* народа къ нищимъ. Про убогаго, напримѣръ, говорятъ: не тотъ убогій, кто трошки мае (не много имѣетъ), а тотъ, кто не зна: годі (довольно), та усе жадае (все жадничаетъ). Собираются разъ вѣшать *старца*, и говорятъ: «этихъ старцовъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только наровятъ въ клѣть забраться». Нищій, по глупому народному разуму, самый негодный человѣкъ. Въ Литвѣ говорятъ: развращенъ, распутенъ, какъ нищенскій бичъ. Невиданная вещь, чтобы крестьянинъ дѣльный,

заботливый, домовитый пустился въ нищенство или въ далекое странничество на богомолье (*Моск. Вѣд.* 1859 г. № 253). Что это правда, то можно видѣть изъ слѣдующей народной пословицы: *стыдно* калекѣ въ міръ пуститься, а *попустится* не погинетъ (Бытъ русс. нар. П. Р. М. 1859. 16).

Итакъ, да будетъ извѣстно г. Спегиреву, что въ этой грубой и униженной средѣ, которую мы называемъ крестьянствомъ, хранятся всѣ силы и всѣ надежды будущаго Россіи, и что одна изъ этихъ великихъ силъ, великихъ нашихъ надеждъ заключается въ отсутствіи въ русской природѣ малѣйшихъ побужденій къ «*нищенству*», къ ханжеству и къ другимъ болѣзненнымъ положеніямъ, отъ которыхъ тщетно старается излечиться сама западная Европа, и что, наконецъ, наше будущее нисколько не будетъ похоже на наше прошедшее, которое только и выработало, что нищенство, и тому подобное.

О русскомъ народѣ ходитъ много дикихъ мнѣній; на него взведено много напраслины, въ которой онъ неповиненъ, приписаны ему

качества, которыхъ онъ не имѣлъ честь заслужить. Надѣемся, когда нибудь поговорить и объ этомъ предметѣ. Всю же эту рѣчь мы вели къ тому, чтобъ выставить яснѣе простую мысль: дайте поскорѣй просвѣщеніе русскому народу и нищенство сдѣлается преданіемъ. Если общество не воспитало въ себѣ уваженія къ человѣку и не считаетъ нужнымъ сдѣлать что нибудь съ нищими, то позаботьтесь, по крайней мѣрѣ, о будущемъ. У нищихъ толпы дѣтей; среди нищихъ живетъ множество дѣвочекъ: спасите хоть этихъ несчастныхъ! Или на это нѣтъ у васъ никакихъ средствъ? Отчего не отогнать отъ церковныхъ дверей дармоѣдовъ-нищихъ и не поставить на мѣсто нихъ честнаго, извѣстнаго въ приходѣ человѣка, съ тарелкой въ рукѣ, который бы просилъ: «для нищихъ дѣтей, Христа ради! Для воспитанія будущихъ поколѣній великаго русскаго народа, выростающаго въ нищенствѣ, Христа ради»!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Появленіе нищихъ въ Европѣ. Нищіе въ Россіи. Сочиненія о нищенствѣ. 3

II. Нищіе пѣвцы. Ихъ народное значеніе. Народные пѣвцы у Кельтовъ, Скандинавовъ, у южныхъ Славянъ и въ Украйнѣ. О народныхъ пѣвцахъ въ Сѣверной Россіи. Бѣлорусскіе волочобники. Нищіе слѣпцы. Калики перехожіе. Стихи каликъ. Сказки о нищихъ слѣпцахъ. Нищенство, какъ ступень народной чистоты 8

III. Нищій по древне-русскимъ понятіямъ. Происхожденіе нищихъ. Разные роды нищихъ. Нищіе, какъ орудіе для спасенія. Смыслъ древне-русскаго благочестія. Милостыня и совершенное

Стран.

отсутствіе милосердія. Нищіе богадѣленные, кладбищенскіе, дворцовые, дворовые, патріаршіе, соборные, монастырскіе, церковные, гулящіе, леженки. 52

IV. Исторія нищенства въ Россіи. Княжескіе нищіе. Благотворительность Царей и Царицъ. Іоаннъ Грозный и Стоглавъ, неимѣвшій никакихъ послѣдствій. Нищіе до Петра. Петръ запрещаетъ нищихъ и милостыню. Мѣры правительства для искорененія нищенства. Они вызываютъ или оппозицію, или безучастіе. Монастыри, владѣющіе милліономъ душъ. Нищіе послѣ 12-го года 71

V. О нищихъ въ настоящее время. Московскіе нищіе. Кладбищи, рынки, церкви, часовня Иверской иконы Божіей Матери, городъ, какъ мѣста нищенскаго промысла. Нищіе *въ городскихъ рядахъ*. Разные роды ихъ: нищіе скоромохи, мошенники, подъячіе, военные,

Стран.

духовные, толпы дѣтей, барыни, бабы, нищіе торговцы и промышленники. Общее понятіе о нищихъ. Съ увеличеніемъ нищенства унижается и общество. Кто у насъ благотворители? Купцы и купчихи, строящіе монастыри. Лже-благочестивыя барыни и Шамиль 93

VI. Заключеніе 131

Цѣна 50 коп. серебромъ.